

Екатерина Мурашова

Земля королевы Мод

Анжелика и Кай

Екатерина Мурашова
Земля королевы Мод

«Автор»

Мурашова Е. В.

Земля королевы Мод / Е. В. Мурашова — «Автор»,
— (Анжелика и Кай)

Второй роман любовно-авантюрной трилогии «Анжелика и Кай». Читатель попадает в обыкновенно-экзотическую коммунальную квартиру на Лиговском проспекте в центре Петербурга. Инвалид-афганец Семен, шизофреник Аркадий, работающий в детском доме, пьющая семья Кривцовых, портниха-надомница и мать-одиночка Наталья, рыночная торговка Дашка – все это соседи Анжелики, и у каждого из них – своя история. И еще: именно в этой квартире накануне установления Ленинградской блокады Лев Шеин спрятал эвакуированные из Могилевского обкома партии сокровища. Единственная из жителей квартиры, кто помнит о них сегодня, – подруга Льва, глубокая старуха Фрося, которую когда-то называли «красной проституткой». Лев предупредил Фросю, что когда-нибудь за сокровищами вернется он сам или его сын Иван, которого она узнает по условленному знаку...

© Мурашова Е. В.

© Автор

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1. Нехорошая квартира	8
Глава 2. Убийство	19
Глава 3. Попытка дедукции	31
Глава 4. Свой круг	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Екатерина Мурашова

Земля королевы Мод

Вместо пролога

Два шкафа детективов нагло скалились разноцветными корешками.

Я взмахнула рукой и смела на пол сразу десятка три. Книжки летели, взмахивая радужными обложками, как разжиревшие колибри, и падали с мертвым шелестом.

Дашка испуганно округлила глаза в темноте коридора. Я абсолютно не склонна к экзальтации, и всей квартире это известно.

– Анджа, не надо! – гнусавым шепотом попросила Дашка. – Книжки-то причем? Вы же сами говорили: «Книга – это святое!»

Я, не удержавшись, хрипло расхохоталась. Дашка еще попятилась и раскрыла дверь в свою комнату. Подготовила путь отступления.

«Сейте разумное, доброе, вечное!»

Этот лозунг висел в дворовой школе, где я училась, на задней стенке кабинета литературы. Когда учительница литературы стояла перед классом, она все время его видела. Наверное, она повесила его, чтобы не забыть, что, собственно, она тут делает.

Вот и я тоже – сею. Иногда оно даже всходит. Вот как сейчас, в Дашкином лице...

Кирилл и Машка тоже были тут. Молча проводили взглядом беспорядочно упавшие книжки. Дашка что-то пробормотала и попыталась успокаивающе дотронуться до плеча Кирилла. Подросток грязно и изощренно выругался и отпрыгнул в темноту. Машка растерянно потерла кулаком сухие глаза.

Я отчего-то вспомнила, что у упавшего Федора все волосы на затылке были в грязи и сваялись, и что-то надо было с этим сделать, а я не успела сказать Зое... Что – сделать?! Кому это теперь нужно?!!

В кухне Фрося варила свой вечный суп из капусты, картошки и бульонного кубика. Щегольские шлепанцы с загнутыми носами, которые Фросе явно кто-то подарил, были ей слегка велики. У Фроси очень маленькая нога. И узкие фиолетовые пятки под тонкими желтыми щиколотками. Удивительно, ей столько лет, она все время жалуется на больные ноги, но лодыжки у нее никогда не отекают. Я моложе Фроси почти в два раза, но мучаюсь отеками постоянно.

– Беда-то какая... – сказала Фрося, склонившись над кастрюлей.

– Да, – сказала я.

– И не верится никак, – продолжила разговор Фрося. – С утра еще все ладно было. Я за молочком сходила, к бочке, в очереди постояла... Солнышко светило, потом дождичек прошел... Мы со старушками у кафе под зонтиками прятались... Все кажется, можно как-то вернуть, договориться...

– Именно со смертью нельзя договориться, – возразила я. – Хотя, если верить американскому психологу Кюблер-Росс, практически все так или иначе пытаются. И еще что-то с ней сделать – обойти, не заметить – тоже нельзя. Из-за уникальности субстанции, наверное. И это единственный случай, когда не помогают цинизм и ироническое отношение к жизни. Чтобы помогло, нужно, наверное, быть французом. У них в классических комедиях замороженные трупы десятками вываливаются на дорогу и ничего, – смешно. Или хотя бы викингом или кем-нибудь в этом роде. В разные эпохи человечеству путем жесткой селекции вроде бы удавалось вывести ограниченный воинский контингент, который умел умирать, веселиться. Но война – это всего лишь лишаи на теле цивилизации. Неприятные и почти неизбежные, куда существует

грязь и несоблюдение психологически-гигиенических нормативов в отношениях между культурами, государствами и отдельными людьми.

Однако строят-то и поддерживают жизнь другие, которые – увы! – веселиться при встрече со смертью не умеют...

– Уж больно ты, Анджа, говоришь мудрено, – вздохнула Фрося. – Как мужики патлатые по ночам в телевизоре. Вроде и по-русски, а вроде – и нет... Я вот иногда тебя слушаю и думаю: кто ж тебя понимает-то, бедолагу?

– Есть целая прослойка, – утешила я Фросю. – Не особенно, конечно, многочисленная, но мне хватает...

– Ну надо же! – удивилась старушка. – Живут среди людей, а говорят...

– Может, они инопланетяне, а, Фрось? – высказал предположение афганец Семен, которого я до этой реплики не замечала. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и медленно цедил пиво из коричневой жестяной банки. – С летающей тарелки высадились и теперь здесь живут, нас изучают. Вот Анджу аккуратно в нашу квартиру заслали...

– Может быть, – я согласилась, чтобы не углубляться в дискуссию. На первый взгляд Семен выглядел еще вполне трезвым, но у меня глаз был наметан, и я понимала, что данная банка – не первая. А иметь к обеду еще и Семенову пьяную истерику... – Фрося, у меня в холодильнике осталось полбанки бобов в томате. Я их есть не буду, можете, если хотите, положить в ваш суп. Только прокипятите хорошенько. Я их позавчера вечером открывала.

– Спасибо тебе, – обрадовалась Фрося и, едва не теряя шлепанцы, зашаркала к моему холодильнику, который стоял у самого окна. – Бобы – это я люблю... А вот вы, молодежь, небось бобовой каши-то и не едали. А вот помню, в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году..

– Ага, и хлеба из жмыха, и похлебки из столярного клея, и пр. и пр. мы тоже не ели, – продолжил тему Семен.

– Не хочешь, не слушай, – обиделась Фрося. – Я хотела как раз про вкусное рассказать...

– Рассказывайте, Фрося, – вздохнула я.

...

– А что мусора-то сказали? – спросил Семен и с утробным всхлипом засосал остатки пива из банки. – Есть у них предположения, кто Федора-то пришил?

– Мне показалось, что их это не очень-то и интересовало, – честно ответила я. – Их интерес был в том, чтобы поскорее дело закрыть...

– Конечно, наш брат им до фени, – печально согласился Семен. – Вот если б шишку какую угробили, тут бы они изобразили...

– Ну, Федора-то все равно не вернешь, – вздохнула я.

– А отомстить? – вскинулся Семен.

Я поморщилась. Влезать в стопроцентно предсказуемый разговор с пьяным афганцем-инвалидом, который считает, что все, от соседей до нынешнего президента, что-то ему должны, не хотелось совершенно.

– Ты, что ли, мститель-то? – укоризненно вступила Фрося. – Костыли подбери... И кому мстить-то? Небось с таким же бедолагой подзаборным из-за бутылки схватился... Тот проспится, сообразит, что натворил, сам с повинной в отделение прибежит... Посадят его, и еще детки сироты... Сколько уж у нас тут такого было, а все никак уняться не могут...

– Жизнь горькая, оттого... – вроде бы соглашаясь с Фросиной трактовкой событий, пробубнил Семен. Его крупная, полуседая голова уже клонилась на грудь.

– Семен, идите к себе в комнату, – предложила я. – На коммунальной кухне спать решительно неудобно. Хотите, я вам костыль подам?

– Слушай, Анджа, а почему ты мне столько лет, и все выкаешь? – заплетающимся языком спросил Семен. – Что за выкаблучка такая? Мы с Фросей тебя на «ты», а ты нам все «вы» да «вы»?

– Мне так удобней, – сказала я.

– Не-ет, – проблеял Семен и улыбнулся хитрой, как ему, наверное, казалось, улыбкой. – Ты мне разъясни, тогда я и спать пойду. Ты думаешь, я тебя понять не в... не в состав... не в состоянии?

Я тяжело вздохнула, предвидя продолжение дискуссии.

По счастью, пришла Дашка, которая всегда умела договориться с пьяным Семеном, и быстро увела из кухни.

– Фрося, вы действительно думаете, что Федора убил кто-то из его приятелей алкоголиков? – спросила я.

– Дай-то бог! – неожиданно заявила старушка, печально склонив над кастрюлей желтовато-седую, одуванчиковую голову. – Дай-то бог!

– Фрося! Что вы говорите?! – вытаращилась я. – Объясните!

Но никаких подробностей так и не услышала. Когда находились тому причины, разговорчивая Фрося становилась железным сейфом. Старая школа.

Глава 1. Нехорошая квартира

Следует заметить, что при любом уровне врожденной или удачно воспитанной доброжелательности никто и никогда не назовет меня хорошим или привлекательным человеком.

Я не слишком-то люблю и уважаю окружающих меня людей, давно равнодушна ко всем на свете идеям и идеологиям, не признаю существования Бога или богов. В связи с вышесказанным я не верю в наступление царствия Божиего, в торжество идеалов демократии и гуманизма, в удвоение ВВП в указанные правительством сроки, в целительную силу БАДов, в то, что «коммет» убивает микробов под ободком унитаза (интересно, зачем это нужно?) и т.д. и т.п. Впрочем, совершенно равным образом я не верю и в психотронное оружие, Страшный суд, всемирный жидо-масонский заговор, вампиров и порчъ, пришествие инопланетян, скорпостижное таяние ледников Арктики и Антарктики и прочие планетарные экологические катастрофы...

Мне кажется, что все эти в меру забавные или в меру трагические вещи люди придумывают себе для развлечения, когда жить становится слишком 1) скучно; 2) опасно; 3) непонятно или 4) однообразно. Наверное, все эти тщательно или наспех придуманные субстанции или идеи можно как-то рационально использовать, но я этому за всю жизнь так и не научилась.

Лет мне за сорок, выгляжу я точно на свои года, а психически всегда была старше своего календарного и биологического возраста. Поэтому в настоящий момент к моим собственным характерологическим недостаткам уже постепенно прибавляются все прелести подступающей старости: малоподвижность, физическое угасание и все сопровождающие его комплексы и компенсации, а также негибкость ума, брюзгливость и недоверие к молодежи.

Кто-то из моих далеких предков был, по-видимому, таким же снобом, как и я, и потому моя родовая фамилия ни больше, ни меньше – Аполлонская. Трудно даже вообразить себе, что сподвигло недавно слезшего с коня в Причерноморских степях или с дерева на Русской равнине варвара заполучить себе такую фамилию. Древних греков среди наших предков, кажется, не было (да и фамилий у греков вроде бы не водилось, они называли себя по имени местности или города, в котором родились и выросли – Александр Македонский, Геродот Галикарнассец, Гиппократ из Коса и т.д.). Впрочем, даже и грек, назвавшийся Аполлонским, видится мне... гм... ну, скажем, несколько сомнительным...

Род наш, безусловно, древний, и, кроме сноба-прародителя, какими-то неизвестными мне заслугами, несомненно, отмеченный. Моя мама любила рассуждать и якобы вспоминать на эту тему, но отличить в ее рассуждениях правду от фантазий никогда не представлялось возможным. Я, впрочем, не особенно и старалась. Ну, в самом деле, что для меня изменится, если я доподлинно узнаю, на какой стороне мои предки сражались в Куликовской битве: на стороне славян или на стороне татар?

В общем, высокие скулы, большие, слегка продолговатые глаза, недобрый ум и дурацкую, претенциозную фамилию предки мне обеспечили. Мама тоже внесла свою лепту, и назвала меня Анжеликой в честь непотопляемой героини многотомной эпопеи Анн и Сержа Голон.

Анжелика Аполлонская – моей маме казалось, что это звучит очень красиво и многозначительно. Опустим, что думаю по этому поводу я сама, а также, что думали по этому же поводу мои одноклассники конца шестидесятых – начала семидесятых, обучавшиеся вместе со мной в пролетарской школе Петроградской стороны города-героя Ленинграда.

Скажу только, что со временем я стала находить это даже забавным. Поскольку на Анжелику (читай – «ангел») я была похожа меньше всего, и внешне и внутренне, то сокращение от моего имени еще в школе получилось жестким и холодноватым: Анджа. Для славянского языка тоже, конечно, странновато, но можно привыкнуть. И, пожалуй, скорее отвечает моей сущности. Дети все-таки гораздо более чутки к наименованиям, чем родители и вообще стар-

шее поколение. Древняя языческая идея о связи имени и вещи, похоже, ощущается ими еще внерациональным способом...

У меня два высших образования, что не мешает мне оставаться человеком сравнительно малообразованным. Если говорить точнее, то я являю собой как раз то, что Солженицын называл «образованщиной». Множество всякой информации, разного уровня значимости и достоверности, хранится у меня в голове, зачастую без всякой связи между блоками. Плюс категорическое незнание иностранных языков. В школе и институте я изучала немецкий, который давно и, по-видимому, безнадежно забыла. Потом, в начале перестройки, пыталась самостоятельно и на курсах изучать английский, но оказалась в этой области совершенно бездарной. Юные валютные проститутки и престарелые красномордые «маркетинг-менеджеры» из моей группы делали в языке несравнимые со мной успехи, чем вызывали во мне отнюдь не белую зависть.

После окончания Университета я некоторое время работала в научно-исследовательском институте, потом, когда научным сотрудникам окончательно перестали платить деньги, – преподавала в школе, после – получила второе высшее образование на Психологическом факультете все того же Университета. Сейчас работаю в государственной психологической консультации. Пробовала работать по специальности в коммерческих структурах (где заработки просто на порядок выше), но не смогла. Бесплатный сыр, как известно, бывает только в мышеловке. Стоимость сыра для коммерческих психологов такова – чтобы платили, им приходится очень много и постоянно врать своим небедным клиентам. Часто – манипулировать. Иногда – совершать прямо безнравственные с точки зрения профессиональной этики поступки. Клиенты, надо признать, совершенно не против того, что их обманывают, вешают им лапшу на уши и т.д. Наоборот, многие именно за этим и приходят. Вспомнить еще, что ведь и за «снять порчь, вынуть след...» в наше время платят немалые деньги... Но мне лично все это как-то не очень понравилось. Снобизм, наверное...

Сейчас я живу на Лиговском проспекте, в сером доме, похожем на сожженный и выброшенный на помойку утюг. В нашей коммунальной квартире восемь комнат и семеро жильцов. У меня – огромная комната, почти тридцать метров, и четырехметровые потолки с лепниной. Когда после смерти мамы мы с дочерью разменивали нашу квартиру на Петроградской стороне, все наши знакомые, узнав, на каком варианте я остановилась, выли, как ополоумевшие шакалы: коммуналка! Восемь комнат! Шесть соседей! Лиговка! И единодушный вердикт: Анджа, ты окончательно тронулась! Надежда Матвеевна, пока была жива, еще как-то тебя сдерживала, а теперь... Все пропало!... Ну, если уж так, и больше ничего не найти, то хотя бы посели туда, в этот ужас, Антонину! Она пока молодая, здоровая, а там, глядишь...

Самое забавное, что дочь, прописываясь в пятнадцатиметровую однокомнатную квартиру на бывшем Комендантском аэродроме, где вой зимних ветров напоминает о душах взлетавших здесь когда-то двухмоторных самолетов, тоже вроде бы чего-то стеснялась. Вообще-то рефлексия – совершенно не ее конек, но возможно, кто-то из знакомых семьи наговорил ей чего-то неприятного, что она не сумела сразу выбросить из головы...

Я тогда нашла нужным успокоить Антонину, объяснив ей, что предпочитаю жить в центре, а коммуналка для меня даже полезна, так как, возможно, предохранит мою душу от окончательного одичания.

В первом пункте объяснения я была абсолютно искренна, а во втором – откровенно лукавила (но Антонина, естественно, этого не заметила, так как замечать не хотела). Пролетариат я люблю еще меньше, чем профессор Преображенский. А Лиговка вообще, и наша коммунальная квартира в частности – царство пролетариата. Количество (но не качество) рюмочных и прочих распивочных точек здесь всегда, даже в советские годы, оставалось на европейском уровне. Прилегающие к проспекту улицы и дворы были опасны еще в описаниях Животова и Свешникова («Петербургские профили» и «Петербургские трущобы», 1894 и 1900 года соот-

ветственно). Редкий ремонт мостовых и штукатурка фасадов здесь выглядит почти кощунством, как исторически неточная реставрация обветшавших дворцов Венеции. Диалект, на котором говорит население Лиговки, понятен любой дворняжке. Воробьи здесь темнее и воинственнее прочих петербургских воробьев и всегда растрепаны, как будто только что вышли из драки. Неприличные надписи и послания на стенах местная молодежь не только пишет нитро-краской из баллончиков, но и, храня традиции, по-прежнему выщарапывает гвоздями и отвертками на красных ранах обкрошившихся кирпичей, стараясь писать помельче, чтобы больше поместилось. Кому надо, тот прочтет...

Лиговка вообще не демонстративна. Местный люд, по преимуществу, интровертен и часто думает о смысле жизни. Правда, это нелегко заметить...

... И вы хотели, чтобы я поселила сюда свою дочь?...

И лишила себя всей этой роскоши?

* * *

В нашей коммунальной квартире, как уже упоминалось – восемь комнат и семь жильцов.

Самую большую комнату в квартире, с балконом и печкой, к моменту моего вселения занимала Ефросиния Тихоновна, или Фрося, как ее называют все без исключения. Впоследствии, уже на моей памяти, она сама уступила ее семье Зои и Федора, переехав в одну из двух их комнат – много меньше, но, пожалуй, поуютнее. И окна в ее новой комнате во двор, а не на Лиговку.

Точный возраст Фроси не знают даже в паспортном столе и поликлинике по месту жительства. Помнит ли дату своего рождения она сама – тоже вопрос. Происхождения своего Фрося не скрывает – из крестьян Вологодской губернии. Однако, по-видимому, крестьянский труд в условиях продрозверстки, начинающейся коллективизации и прочих прелестей смены общественно-экономической формации не привлекал ее изначально. Поэтому уже тринадцатилетним приблизительно подростком Фрося оказалась в Петрограде. Создается такое впечатление, что беспризорничать ей не пришлось, во всяком случае в ее воспоминаниях ничего такого не проскальзывает.

Кажется, она жила с каким-то художником (или с несколькими художниками одновременно), отрабатывая свою похлебку тем, что позировала для его бессмертных творений. Работала (весьма, впрочем, недолго) в артели по изготовлению рукавиц. Делала еще что-то мало запомнившееся.

Зато дальнейший этап ее биографии всем в квартире известен и занят донельзя. Юная, привлекательная и смышленная Фрося как-то выучилась не только читать и писать, но и печатать на машинке. Обладая этими похвальными навыками, поступила на службу в ЧК. Однако машинистка из недавней безграмотной крестьянки, как я понимаю, получилась не особенно квалифицированная. Гораздо большим спросом пользовались другие ее услуги.

Чтобы не ходить вокруг да около – много лет Фрося была «красной проституткой» (ее собственное, не лишнее оригинальности, определение), обслуживающей довольно высокопоставленных петроградских, а потом и ленинградских начальников и красных командиров.

Денег за любовь Фрося никогда не брала. Все годы числилась служащей в конторе, исправно получала в кассе зарплату машинистки. Однако в те годы, когда купить можно было немного, но почти все можно было «организовать» и «достать» через соответствующие знакомства, ее возможности, как легко догадаться, были весьма велики. Впрочем, в противоположность многим другим «простым» женщинам, дорвавшимся до того или иного вида власти, Фрося всегда оставалась на людях скромной и молчаливой, не лезла вперед, не демонстрировала при каждом удобном случае коротких отношений с тем или иным чиновником или командиром, по возможности избегала вульгарности в одежде и манерах, не гнушалась учиться

всему, чему только можно было научиться в то смутное и странноватое время становления новой, социалистической жизни.

Какой она была наедине со своими избранниками, теперь можно только догадываться. Если бы кто-нибудь раскрутил ее на рассказы и записал их, то наверняка получилась бы книга в стиле «Одиннадцать минут» Пауло Коэльо. Может быть, даже и посильнее, так как наложение эмоциональных и сексуальных событий на реальную историческую канву всегда прозу усиливает.

Все вместе было справедливо оценено. По тем аскетическим и небогатым временам Фрося жила шикарно. Ездил в автомобиле, носила французское белье и костюмы из английской шерсти. Впоследствии один из чекистов проникся к ней чувствами настолько, что поселился вместе с собой в этой самой реквизируемой у какого-то адвоката квартире на Лиговском проспекте. Фрося в свою очередь прониклась новой ролью и играла ее так успешно, что чекист вроде бы даже предлагал на ней жениться, чтобы окончательно пресечь все слухи, и обрубить концы предыдущего этапа ее биографии. Однако, Фрося выйти замуж отказалась, мотивируя это тем, что она, мол, недостойна, а ему, в сущности, семья и не нужна, так как он все равно все свои силы отдает борьбе за светлое будущее всего человечества.

Как выяснилось вскоре, отказав сожителю, Фрося была очень даже права. В тридцать восьмом году он был репрессирован и расстрелян. Только старые связи и отсутствие штампа в паспорте спасло Фросю от попадания под завертешшееся колесо машины репрессий и чистки рядов. Ее не только не арестовали, но даже не выселили из квартиры, в которой после уплотнения она и занимала лучшую комнату.

В начале войны Фрося отказалась эвакуироваться, и всю блокаду, от начала до конца прожила в Ленинграде, работая на заводе, копая противотанковые рвы, и сбрасывая зажигалки с крыши собственного дома. Никакого героизма или особой трагичности в ее рассказах об этом времени мне лично заметить не удалось. Зато проглядывал сравнительный анализ.

«Многие тогда умерли, – говорила она. – Ну конечно, есть-то нечего было. И холодно. Когда так, всегда умирают. И в городе опять же, и фашисты, и бомбы... Понятно. В деревне-то у нас, когда голод, страньше было и страшнее, ведь вроде бы на земле люди...»

Трудно поверить, но всю войну, оставшись в квартире абсолютно одна, Фрося хранила вещи соседей и каким-то образом сберегла от мародеров и печки даже кое-что из мебели. Когда выжившие насельники квартиры возвратились в Ленинград после снятия блокады и окончания войны, она вручила им ключи от их комнат и аккуратно подписанные папки с фотографиями и прочими документами, которые они оставляли ей, спешно уезжая в эвакуацию.

Всю жизнь и по сей день Фрося отличалась крайней щепетильностью. Никогда не забывала вернуть рубль или даже яйцо, взятое в долг. Отнекиваться и изображать забывчивость в этих ситуациях не имело смысла, ибо на такое старушка тяжело и надолго обижалась.

Фрося – эстетка и оптимистка по характеру (хотя ни одного из этих слов она, кажется, не знает и не употребляет). О том плохом, уродливом и жестоком, что ей, несомненно, в избытке довелось видеть за свою долгую жизнь, она никогда не вспоминает и не рассказывает. Зато доступные ей теперь краски жизни использует по полной программе. У нее есть неспешный вкус к вещам. Когда она пьет кофе, то стелит салфетку. Чтобы купить нужный ей вид глазированного сырка (шоколадный с медом и изюмом), может пройти три квартала, несмотря на больные ноги.

Что касается внешности, то Фрося – невысокая, худая, с черными, абсолютно не выцветшими глазами и желто-голубоватыми седыми волосами, которые она стрижет кружком, с челкой, по моде тридцатых годов. Всегда носит под мышкой большой, не складной зонт с розами, при необходимости опирается на него, как на палку. Когда она идет по улице, многие из умеющих видеть задерживают на ней взгляд.

Однажды я зашла к ней в комнату и увидела, как Фрося, изумительно для своих лет изогнувшись, разложив на тумбочке разные щипчики, пилочки и пузырек с дешевым лаком, делает себе педикюр. Разумеется, я ничего не спросила, но старушка сама нашла нужным объяснить.

– Понимаешь, Анджа, мне уже помирать скоро, – невозмутимо заметила она. – А там, в морге-то, я видела сколько раз, все босые лежат. И с бирочками. Ногами вперед. Ну, не хочется, чтобы людям неприятно смотреть было. Ведь если ноги неухоженные, да еще и старые, сама понимаешь...

Я не нашлась, что на это сказать. А кто бы на моем месте нашелся?

* * *

Двадцать с лишним лет назад разорвавшаяся на перевале Саланг бомба повредила позвоночник второму моему соседу – Семену Крылову. Как раз накануне этого печального события Семену исполнился двадцать один год. После взрыва из подразделения в живых осталось двое. Выживший и почти не пострадавший друг-однополчанин три километра тащил Семена на себе. Однополчанина убило наповал уже в видимости нашего блокпоста. Потерявшего сознание Семена подобрали и вывезли на родину. В Ленинграде у него оставалась молодая жена, работница фабрики «Возрождение», сидевшая у его постели после трех операций, которые Семену сделали в Институте травматологии и ортопедии, и стоявшая после работы в очереди за апельсинами, чтобы он мог поесть витаминов. Хирурги того времени совершили все, что могли, но поставить Семена на ноги так и не сумели. Отныне он был обречен передвигаться на костылях, волоча обе ноги, или уж в инвалидной коляске.

Вдова друга тоже навестила его в больнице. Принесла все тех же апельсинов, а перед уходом сказала: «Лучше бы он тебя там бросил, да сам спасся. А так что толку – ты все равно полчеловека, а он в могиле, и Людка наша – безотцовщина...»

В ночь после ее ухода Семен пытался покончить с собой. Однако медсестры отделения знали свой контингент, и бывшего воина-интернационалиста удалось спасти.

После выписки из больницы Семен пил, а в промежутках клеил коробочки, собирал выключатели и еще что-то такое делал. Когда жене наконец все это надоело, и она ушла, он вздохнул с облегчением. Разменяли кооператив, который построили молодым родители, и Семену досталась та самая комната в коммуналке на Лиговке, в которой он теперь и жил.

Много лет бедолага никак не мог понять, что попал под колесо истории, и все думал, что кто-то конкретный виноват в том, что с ним случилось. Теперь вроде подуспокоился, да и мозгов после водки и суррогатов осталось едва ли на одну треть. А много ли было изначально, после девяти классов дворовой школы и ПТУ № 3, в котором Семен учился на фрезеровщика?

* * *

Зоя и Федор Кривцовы и трое их детей – типичная семья из лиговских коммуналок. Образование среднее специальное у обоих. Зоя – маляр-штукатур, под ногтями у нее всегда известь или краска. Федор имеет несколько рабочих специальностей и за последние пятнадцать лет сменил множество мест работы. Зоя умеренно употребляет. Федор пил идеологически и отчаянно. Алкоголиком себя не считал, так как никогда не пил в одиночку. Повод для возлияний годился любой – от окончания рабочего дня до общей бессмысленности жизни. Скандалы оживляли их пресную жизнь, придавали ей некоторую пряность. Если Федор в пьяном виде распускал руки, Зоя давала сдачи. Дети родились потому, что родителям было лень предохраняться. «Не люблю я этого, не по-человечески как-то...» – говорила Зоя про аборт. Трехлетняя Кира отстает в развитии. Кирилл и Машка выглядят вполне здоровыми зверенышами,

неплохо изучившими закон джунглей, в гуще которых они живут. Некоторые их высказывания и меня ставят в тупик.

После того, как Фрося уступила семье Кривцовых свою, большую комнату, Федор сразу же разгородил ее напополам и, таким образом, у Кирилла и Машки у каждого образовалось по комнате. Младшая, Кира, осталась в комнате с родителями. Кирилл и Машка растащили свои скудные пожитки по углам, и сразу перестали драться, все делить и материться. До этого же просто спасу от них не было. Во время ссор брата и сестры шестилетняя Машка материлась так громко и виртуозно, что даже мужики выходили в коридор послушать. Федор и Зоя не обращали на лексику дочери никакого внимания.

* * *

Наталья, которая вместе с четырнадцатилетней дочерью Русланой живет в самой дальней от входа комнате – озлобленная на весь свет мать-одиночка. Работает закройщицей. Берет заказы на дом. Зарабатывает неплохие, в сущности, деньги. Все время жалуется на нищету и на то, что «воры жируют, а порядочным людям не на что купить кусок хлеба». Дочку держит в ежовых рукавицах, не пускает «шляться» с подружками и колотит за тройки. Потом демонстративно пьет на кухне корвалол. Говорит, что ее единственная цель: вывести Руслану «в люди». Честно сказать, даже не знаю, что она под этим подразумевает. Сделать дорогой содержанкой, выдать замуж за какого-нибудь «папика»? Или она хочет, чтобы Руслана получила высшее образование и сделала карьеру? Иногда мне кажется, что Наталья сама не может определиться. Между тем девочка давно научилась врать, лицемерить, и манипулирует матерью как хочет. Когда в школе контрольная, к которой Руслана не готова или наступает очередь Натальи убирать места общего пользования, у Русланы всегда – мигрень или менструация. Она лежит и стонет. Все так прозрачно, что даже Машка Кривцова иронизирует по этому поводу. Наталья же как будто бы ничего не замечает.

* * *

В пятнадцатиметровой комнате у входа обитает Леша, которого все в квартире называют Браток. Леша – коренной и потомственный лиговский житель. Однажды в кухне, когда его после огромной порции картошки с тушенкой потянуло на философию, он сказал мне, сидя перед пустой тарелкой и глядя в крашеную зеленой краской стену невидящими глазами:

– А вот знаете, Анжелика Андреевна, я тут подумал: какая судьба-злодейка! Те, с кем я на улице вырос, те, кто меня мальком в рюмочной по головке гладил, когда меня папаша погулять водил, – где они? Кто в тюрьге оказался, кто от водки содох, кого пристрелили в недавнюю пору... А я – вот, живу... В чем же мне задача отмеряна?

Я, как могла, выразила сочувствие и искреннее восхищение глубиной Лешиних размышлений, которое он, кажется, принял за издевательство.

Лет Леше около тридцати. Более десяти лет назад жгучее желание уйти из многодетной семьи потомственных пропойц-пролетариев толкнуло его в объятия какой-то криминальной группировки, которых в те годы развелось видимо-невидимо. Обладая, как и все дети улицы, незаурядной способностью к мимикрии, он быстро приобрел вид заправского, какого-то даже слегка карикатурного братка (отсюда и кличка). Носил соответствующие цепи, пиджаки, прически и выражение лица. В «профессиональной» деятельности всегда был, как я понимаю, исполнитель и молчалив, казался тупым, но далеко не был им. Почти не пил, занимался бодибилдингом в подвальном тренажерном зале. Полученные деньги не пропивал и не прогуливал, как большинство низовых братков. Напротив, несколько раз, посоветовавшись с кем-то компетентным, удачно сыграл на банковских вкладах, инфляции, дефолте и т.д. Купил и обста-

вил свою теперешнюю комнату, приобрел дорогую электронику и бытовую технику. Купил компьютер, на котором ежевечерне, с угрюмым постоянством давил и расстреливал каких-то в меру отвратительных монстров. Постоянных связей с женщинами избегал, так как не умел никому доверять, довольствовался случайными встречами. Ни с кем из «коллег» накоротке не сходил. Все эти годы Лешей двигала вполне лермонтовская «одна, но пламенная страсть» – вырваться из заплесневелого угара мира своего детства. Когда это, наконец, произошло (во всяком случае, с материальной стороны. О «духовной» стороне бытия в присутствии Братка никто никогда не упоминал, и потому он просто не подозревал о ее существовании), он сумрачно огляделся по сторонам и, как и Мцыри, понял, что не знает, что делать дальше.

На этом месте его нерядовые усилия были вознаграждены судьбой или случаем, и Леше попросту повезло. Один из средних криминальных авторитетов, с годами легализовавшийся в почти законопослушного бизнесмена от торговли электроникой, случайно повстречал знакомого ему Братка в тренажерном зале и пригласил его к себе на службу, уже вполне официальную, с применением трудовой книжки. Леша тут же согласился. Нынешние служебные обязанности Братка в фирме благодетеля никому не известны, и он, как легко догадаться, о них не распространяется. Можно предположить, что это что-то на грани закона, так как никакой специальности, кроме специальности боевика, Леша так и не приобрел.

Внешность Леша такова, что незнакомому человеку не захочется входить с ним в один лифт или подворотню. Иногда кажется, что Кинг-Конга моделировали с учетом кого-то из лешиних родственников. Где-то процентов на восемьдесят это (даже искусственно наращенные мышцы и вечно угрюмое выражение лица) – защитная маска. Все та же мимикрия. Биологический закон приспособления. Доказательством тому – случай с сестрой.

Несколько лет Леша копил деньги на отдельную квартиру. Степенно и с удовольствием обсуждал будущую покупку с Дашкой и Фросей. Хотел обязательно купить в новом доме, чтобы не было «плохого биополя». Кто ему про это «биополе» наболтал, бог весть. А может – сам в детстве навиделся. Уже купил по случаю розовую раковину и такой же унитаз и хранил их у себя в комнате, что выглядело странно (на унитазе стоял видеоманитофон, а в раковину Леша складывал грязную посуду, прежде чем унести ее на кухню). В это время младшая сестра Братка, оставшаяся в семье, забеременела от какого-то случайного кавалера, отказалась делать аборт и в восемнадцать лет посредством кесарева сечения родила здоровую дочку весом почти четыре кило. Девушка позвонила Братку из роддома и попросила принести к выписке хотя бы одеяло, так как никто из родных ее ни разу не навестил и, кажется, даже не понял, куда, собственно, она подевалась (телефон в квартире лешиних родных давно отключили за неуплату).

Леша чин-чином встретил сестру из роддома (Дашка помогла ему приобрести все необходимое для младенца), а потом купил ей квартиру на Гражданке (двадцать минут на трамвае от станции Пискаревка), нанял няню для ребенка и оплатил курсы парикмахеров для молодой мамы. На это ушли все накопленные им деньги. Сестра плакала и целовала Леше руки. Браток нешуточно привязался к племяннице и ездил на Гражданку два раза в неделю с подарками и тортом. Возвращался с улыбкой, гладил по голове подвернувшуюся Киру, совал конфеты Машке. В эти минуты становился похож на обыкновенного счастливого человека. Дочка сестры, начиная говорить, звала его «папа Лёка». Сестра работала парикмахершей в салоне, в пятнадцати минутах ходьбы от дома, и от сытой и спокойной жизни здорово похорошела. Потом у нее, как и следовало ожидать, завелся постоянный кавалер, рабочий какого-то авиационного завода, который сказал: «Я на тебе женюсь, несмотря на ребенка, только пусть он (Леша) больше не приходит.» Сестра опять плакала и опять целовала брату руки.

Леша перестал ездить на Гражданский проспект. «Тварь неблагодарная!» – вынесла вердикт наша коммуналка. «Каждому своей судьбы хочется.» – то ли возразил, то ли согласился Браток.

* * *

В полутемной комнате рядом с ванной живет Дашка. Окно ее комнаты выходит на глухую стену дома напротив. Кирпичная, облупившаяся стена очень живописна, в каком-то старофранцузском стиле, и в ней есть всего одно окно, расположенное чуть-чуть пониже Дашкиного. Вечером оно красиво освещено и напоминает экран большого и дорогого телевизора. Это окно кухни такой же коммуналки, как у нас. На нем нет даже занавесок, и много лет по вечерам Дашка, присев у своего окна и подперев скулу ладонью, смотрит немой сериал разворачивающихся в той квартире страстей. Все безымянные (Дашка про себя, конечно, дала им имена) персонажи многолетнего действия давно стали ей как родные. Когда там, в окне, что-то идет сильно не так, Дашка плачет от переживаний и долго не может заснуть.

Дашке лет двадцать пять-двадцать шесть, но выглядит она старше, хотя не пьет совершенно и ведет вполне умеренный образ жизни. Она работает продавщицей на вещевом рынке, находится на открытом воздухе и в жару и в мороз, и потому лицо у нее всегда обветренное, а тугие щеки слегка шелушатся. Никакие кремы не помогают. Дашка крупная, с большой грудью и толстыми коленями, хозяйственная и положительная. Раньше жила в той же комнате вместе с бабушкой, которая ее и воспитала. Пять лет назад бабушка умерла. Дашка закончила одиннадцать классов, но дальше учиться ничему не захотела. Любит печь пироги и вышивает крестиком. Ей давно пора завести семью, но на дискотеки она никогда не ходила, на рынке и на улице знакомиться не умеет, а собственный круг общения у нее крайне узок. Точнее, он (круг) состоит всего из двух персонажей, каждый из которых достоин отдельного упоминания.

Первый персонаж – это Дашкин любовник, который посещает ее по средам во второй половине дня. Любовника зовут Виктор Николаевич, ему лет 38-40, он лысоват, худощав, с умным, пыльным и усталым лицом, похожим на пожелтевшую «литературную газету» середины восьмидесятых. Виктор Николаевич работает в какой-то конторе или в каком-то институте инженером, имеет семью и двоих детей. К его приходу Дашка надевает вышитую ей самой кофточку, брюки в обтяжку и печет пироги трех видов. Чтобы красиво накрыть на стол, берет у Фроси хрустальные бокалы, изящный графинчик для водки, плоские тарелки китайского фарфора и хрустальную же вазу (Виктор Николаевич всегда приносит цветы и иногда – по праздникам – бутылку красного вина). Виктор Николаевич приходит к половине шестого, никогда не опаздывает и всегда предварительно звонит с работы приблизительно в половине пятого, чтобы уточнить, все ли в порядке. Чтобы иметь в среду выходной, Дашке уже много лет приходится работать по воскресеньям. Под водку и пироги Виктор Николаевич много говорит «об умном». Дашка, которая не читает практически ничего, кроме любовных романов в мягкой обложке, слушает, раскрыв рот. Ночевать он никогда не остается и уходит где-то в половине двенадцатого, чтобы успеть на метро. Перед уходом звонит из коридора домой и коротко предупреждает: «Все в порядке, еду».

Фрося из-за старческой бессонницы не спит допоздна, смотрит телевизор. Дашка относит к ней в комнату посуду и смотрит из фросиной комнаты, как ее любовник быстро идет по пустому Лиговскому проспекту. На лице ее блуждает мечтательная улыбка. Он никогда не оборачивается.

Второй персонаж – школьная дашкина подруга, Любочка. Маленькая, изящная как фарфоровая статуэтка, с огромными фиалковыми (цветные контактные линзы) глазами. Посыпает выбеленные перекисью волосы какой-то золотой присыпкой и сверху поливает лаком. Один раз в темном коридоре нашей квартиры, в отраженном из окошка туалета свете я приняла ее за привидение. Любочка закончила Балетное училище, но стать большой (или хоть какой-нибудь) артисткой у нее не получилось. Поэтому теперь она работает: тренером в фитнес-клубе и в каком-то кабаке танцовщицей со стриптизом. У Любочки есть муж и четырехлетний сын.

Мужа я никогда не видела, и о том, что он думает по поводу заработков жены, могу только догадываться. Сын очень милостив и одет как картинка. Любочка очень любит показывать его фотографии, но в целом к нему (и вообще к детям) безразлична. На наших квартирных детей, когда они попадают ей под ноги, смотрит с безразличным недоумением.

Номер Любочка-Дашка целиком построен на контрастах. Любочка приходит к Дашке хвастаться своей ухоженностью, устроенностью, красотой, наличием мужа, ребенка, заработанными деньгами и т.д. Качество всего вышеперечисленного вызывает у неглупой от природы Любочки обоснованные сомнения, и толстоватая, неуклюжая, обветренная Дашка нужна ей для самоутверждения, самолюбования, самоуспокоения и т.д. Тем более, что Дашка охотно и вслух удивляется, восхищается, завидует... В последнее время древнейшая профессия (а именно оттуда происходят ее основные заработки) постепенно накладывает на Любочку свой отпечаток, и ее внешность, макияж и наряды становятся все более вульгарными и далекими от чувства меры. Не знаю, замечает ли это Дашка, но подруге она, естественно, никогда ничего не скажет.

В Любочке нет ничего от Сони Мармеладовой. Отношения с мужчинами для нее – цель и смысл жизни. Складывается впечатление, что ей хочется «дружить» со всеми встреченными персонажами мужского пола. Любая завязавшаяся «дружба» быстро оканчивается в постели. Кажется, она спала даже с афганцем Семеном, а уж с Братком-Лешей – наверняка. Молодых женщин Любочка не терпеть не может, так как все они потенциальные конкурентки. Я думаю, что, кроме Дашки (которая кажется ей «безопасной»), у Любочки тоже нет других подруг.

Бедная Дашка искренне полагает, что и Любочка, и Виктор Николаевич к ней «снисходят», и она должна быть им по гроб жизни за то благодарна. И Виктор Николаевич, и, особенно, Любочка каждый по-своему поддерживают это ее убеждение. Однажды я предприняла попытку объяснить ей действительное положение дел. Встретила вежливый, но крайне жесткий отпор. С тех пор попыток не повторяла. Кто я такая, чтобы судить? В конце концов, каждый живет так, как ему нравится...

* * *

В последней, восьмой, самой маленькой комнате нашей квартиры проживает Аркадий. Вполне живые и здоровые родные Аркадия (кажется, это были отец и сестра с ее вторым мужем и сыном от первого брака – но я бы не поручилась за точность) избавились от него уже много лет назад, выменяв ему комнату в коммуналке. Диагноз Аркадия – вялотекущая шизофрения. Вне обострения Аркадий – человек безвредный, спокойный, услужливый, разве, может быть, немного занудный. Серьезных обострений у него бывает немного – приблизительно раз в два года. Прописанные ему таблетки Аркадий принимает регулярно, в соответствии с красиво разрисованным режимом дня, который был когда-то составлен в психушке под руководством психиатра-арттерапевта и теперь висит в комнате на стене. В этом же режиме дня значатся обливания холодной водой, зарядка и часовая прогулка перед сном. Рядом с режимом дня висят плакаты, сляпанные приятелями Аркадия, которые иногда ночуют у него в комнате:

«Если видишь в стенке люк, не пугайся – это глюк!» «Встречай. Поехала. Твоя крыша.» и т.д., в том же духе. Считается, что шизофреники обычно замыкаются в себе, но у Аркадия на удивление много приятелей. Нормальных среди них почти нет. Алкоголиков, как ни странно, тоже. Наркоманов Аркадий уважает, видит в них следующую ступень эволюции по сравнению с психами и пьяницами. Сам он, впрочем, наркотики никогда не употреблял, так как психиатр внятно объяснил ему, что вместе с принимаемыми Аркадием таблетками любые наркотики означают немедленную потерю остатков рассудка и физическую смерть. Особенно Аркадию почему-то нравятся кокаиновые. Браток Леша успешно регулирует эту ситуацию и не дает ей перейти некую критическую границу. Аркадий, да и его периодически выдворяемые из квар-

тиры гости, на Лешу практически не обижаются. Наталья боится за дочь и говорит, что если бы ей удалось достать достаточное количество стрихнина или мышьяка, то Аркадия и его «при-тон» она извела бы в нашей квартире в первую очередь и ни малейших угрызений совести не почувствовала. Аркадий знает об испытываемых Натальей чувствах, ощущает какую-то свою вину и старается ей услужить больше, чем остальным. Наталья шарахается от него, как от про-каженного.

Несмотря на болезнь, большую часть времени, которую Аркадий проводит «на сво-боде», он где-нибудь работает. Некоторые места его трудоустройства просто поразительны. Так, последнее время он работает в детском психоневрологическом интернате воспитателем или еще кем-то в этом роде. Кто его принял? Каким образом? На каких основаниях? Нет ответа...

Впрочем, воспитанники его, похоже, любят и даже жалеют. Во всяком случае, кто-то из девочек регулярно пришивает ему оторвавшиеся пуговицы и чистит пиджак. Он, насколько может, платит воспитанникам взаимностью. Когда-то в юности Аркадий играл на гитаре и теперь из своего собственного почина организовал в интернате вокально-инструментальный ансамбль. Если судить по его словам, умственно отсталые дети делают большие успехи и про-сто преображаются на глазах под воздействием музыки. А почему бы и нет? Арттерапия сейчас и вообще популярна...

Но вообще-то, конечно, дичь полная!... Республика «Шкид» двадцать первого века... «Не женитесь на курсистках, они толсты, как сосиски...» Интересно, когда он очередной раз загремит в больницу с обострением, его потом возьмут на работу обратно? Из психушки – в интернат, к больным детям? Хотя, может быть, во всем этом есть какая-то высшая правда, которую мне не дано разгадать...

* * *

Кроме упомянутых восьми комнат и кухни, в нашей квартире имеются еще две завален-ных многолетним хламом кладовки и множество всяких коридорчиков и тупичков. Площадь туалета – шесть квадратных метров. Ванной – восемь. Между собой они связаны высокой, кажется дубовой, дверью с полукруглым окном наверху. Иногда Аркадий, забывшись, прини-мает в санузле гостей. Как-то раз они развели там костер. Наталья визжала, как зарезанная, и вызвала пожарную команду, милицию и скорую помощь одновременно. Когда Аркадия выпу-стили из больницы (это произошло уже через три дня, так как его психическое состояние в тот момент было вполне адекватным), он долго извинялся и оттирал с порошком плитку и стены. Однако, Кирилл подхватил идею, и теперь разводит маленькие костерки регулярно. Однажды, когда семья Кривцовых еще жила в двух маленьких комнатках, в ванной на матрасе две недели спала огромная старуха – Зоина деревенская родня, прибывшая в гости. Старуха оглушительно храпела и не хотела мешать спать деткам. В половине пятого утра она просыпалась (утренняя дойка), приводила себя в порядок, скатывала полосатый матрац, ставила его в угол за стираль-ную машину и три часа, до общего подъема невозмутимо пила чай в кухне, наливая его на блюдце и закусывая сахаром-рафинадом.

На пике архитектурного абсурда посередине коридора в нашей квартире имеются две ступеньки, на которых раз в два-три дня обязательно кто-нибудь серьезно падает и что-нибудь себе разбивает. Исходя из ступенек, получается, что моя комната и кухня расположены при-близительно на тридцать сантиметров выше над уровнем моря, чем фросина и дашкина ком-наты. В чем смысл и как это устроено?

Прошу понять меня правильно: я вовсе не пыталась написать карикатуру. Напротив, тща-тельно удаляла из описания все лишние эмоции. Весь фокус в том, что данный паноптикум является абсолютно НОРМАЛЬНЫМ для лиговского бытия.

Два моих высших образования на этом фоне выглядят вполне комично. Единственным человеком в квартале, у которого они вызывают уважение, является участковый милиционер. Когда он появляется у нас в квартире (а это, учитывая нравы насельников, происходит регулярно), ко мне он всегда обращается «на вы» и в первую очередь. Обычная форма обращения: «Вот вы мне, как здешняя интеллигенция, проясните доподлинно обстановку...»

Итак, декорации расставлены по местам, начинается действие...

Глава 2. Убийство

– Что вы можете сказать о семье потерпевшего? – спросил меня молодой милиционер после обычного обращения присутствовавшего здесь же участкового к «интеллигенции» и беглой демонстрации каких-то невразумительных удостоверений.

Удостоверения я особенно рассматривать не стала, резонно полагая, что в присутствии хорошо знакомого мне участкового все остальные милиционеры тоже – настоящие.

– Обыкновенная, на лиговский манер счастливая семья, – ответила я. – Трое детей.

– У нас вот тут есть сведения, – милиционер заглянул в какие-то бумаги. – Что Федор Кривцов с женою постоянно скандалили. Он пил и рукоприкладствовал. За прошедшие три года четыре раза вызывали милицию. Два раза – она, один раз соседи, и один раз... – милиционер запнулся.

– Ну да, и один раз – сам Федор, – подтвердила я и пояснила. – Это когда она его фросиным утюгом по плечу... Кажется, Зоя тогда нашла какую-то записку Федора, но не отдала и не разбила об его голову, как обычно, а выпила сама. Потом велела ему уходить насовсем, передвинула к двери антикварный комод, который им от Фроси достался, и забаррикадировалась в комнате вместе с детьми. Мы ее пытались уговорить, и он ждал, когда она опамятуется, но старшие дети все вопили в окно и звали на помощь (они Зою совершенно не боятся ни трезвую, ни пьяную – это у них игра такая была) ... Но Федор тогда сам мало что соображал, поэтому испугался, пошел на улицу и вызвал милицию из автомата...

– А вы говорите – счастливая семья, – брезгливо поморщился один из милиционеров, похожий на ээсовца из советских фильмов. Его арийское лицо состояло из равносоставленных треугольников. С двух из них смотрели бледно-зеленые глаза. – Чем так жить...

Я взглянула на него повнимательнее, он открыто встретил мой взгляд и даже, кажется, выпятил подбородок.

– Вы, наверное, любите восточно-европейских овчарок, – предположила я. – Таких сильных, здоровых, с черной спиной и рыжими подпалинами...

– Да! Конечно! – он не ожидал подвоха и сразу согласился. – А... откуда вы знаете?

...

– Странные они какие-то нынче, вроде как правильные, но нечеловеческие, – пожаловался мне немолодой участковый после того, как милиционеры отправились опрашивать Фросю и Наталью. – Этот вот, у которого вы про овчарок-то спрашивали... Вроде он жену-то Федора утешить хотел, а что сказал?

– Что же? – спросила я.

– Да вы не убивайтесь, говорит, Зоя Александровна, так-то уж по мужу. Ведь был он, по вашим же и другим рассказам, пьяница и вообще пропащий человек. Ни вам поддержка, ни детям отец. Все равно помер бы скоро от цирроза и алкогольной деградации... Так на так и вышло... А вы, Зоя Александровна, теперь, после его смерти, хоть голову поднимете, от побоев и скандалов избавитесь, за детей возьметесь, чтобы они по той же дорожке не пошли... И вообще, может, еще свою личную жизнь устройте...

– Да уж, утешил... – согласилась я.

– Отчего так? – спросил участковый. – Вы, как интеллигенция, объяснить можете?

– Вряд ли, – я пожала плечами. – У вас семья есть?

– Да, конечно, – кивнул милиционер. – Без году тридцать лет с супругой прожили, двух дочерей вырастили, замуж выдали...

– Проблемы были?

– Ну еще бы! Три раза на развод подавали. Вы не подумайте: все я виною, работа моя проклятая, да... еще там всякое... А потом, как перебесились, так и другое подкатило... Вот помню, как младшая в возраст вошла...

– Ну, а вот теперь... Теперь, когда на эти семьи рекламные смотрите, ну, которые порошки там всякие и пасты зубные, как вам?

– Да наплевать! – энергически сообщил участковый и, подумав, добавил. – Впрочем, когда, бывает, и замутит... Врут ведь все! Были такие, если помните, целлулоидные пупсы...

– Вот! – обрадовалась я. – Вы сами все и сказали... Целлулоидная жизнь и жизнь обыкновенная. Молодежь-то наша росла в этом, не всегда может разобраться. Кто-то и подумать решится, что целлулоидная жизнь – настоящая и есть... Но, если можете, как же все случилось-то? Кто Федора нашел?

– Да пацаны какие-то. Полезли в подвал и... Сколько дней-то прошло, как он пропал?

– Сегодня четвертый... Мы уж понимали все... Хотя и не хотелось верить... А у Зои в милиции все заявление не хотели принимать...

– Да знаю я!

* * *

Уходя, молодой милиционер-«эсэсовец» еще раз постучался в мою комнату.

– Заходите, – пригласила я.

– Я еще спросить хотел, – треугольно улыбнулся он. – Не по убийству. Как вы все-таки догадались про овчарок?

Я напустила на себя мрачный и пронзительный вид, глянула исподлобья:

– Вам надо из милиции уходить! Сейчас, пока возможность есть!

– Откуда вы знаете? – от улыбки не осталось и следа. Страха и злости тоже не было. Удивление, может быть, заинтригованность.

– Звезды так сложились. Вам другая работа нужна.

– Да я и сам чувствую, – неожиданно признался милиционер. – Вроде бы и хотел в милиции служить, а теперь... Меня вот в... в другое место, в аналитический отдел зовут, это, по звездам – как?

– Если от людей подальше, а к схемам поближе, то – отлично! – быстро сориентировалась я.

– Я и сам... но... откуда вы... Вы ж меня первый раз в жизни видите...

– Я – потомственная колдунья, – не моргнув глазом, заявила я. – В семнадцатом поколении. Фамилия моя Аполлонская. Помните, вы же протокол опроса заполняли? Так вот мою прапрапра- и прочее бабушку еще при царе Алексее за колдовство клеймили и на каторгу сослали. Не слыхали про эту историю? – милиционер ошеломленно помотал головой. Я, между тем, вспоминала, был ли в российской истории царь Алексей. Царевич точно был, а вот – царь? – Но колдовской талант на каторге не сгноишь! Все по наследству потомкам досталось. То есть – мне, – я значительно подняла палец и мотнула головой, давая понять, что аудиенция окончена.

* * *

Когда я была школьницей, сбоку на стене, над моим столом, за которым я готовила уроки, висела политическая карта мира. Я любила ее рассматривать. Огромный розовый Советский Союз вызывал законную гордость: знай наших! Маленькая, пестрая Европа – удивление: надо же, такой небольшой кусочек земли, а сколько там всего напридумывали! Все остальные мно-

гочисленные страны рождали какое-то странное тянущее чувство: где-то там прячутся удивительные и невозможно прекрасные вещи, но я никогда этого не увижу...

Карта висела над столом таким образом, что, когда я поворачивала к ней голову, взгляд мой всегда и прежде всего упирался в Антарктиду, в черную полукруглую надпись вдоль ее западного берега: «Земля королевы Мод».

Эта надпись тревожила меня своей почти иррациональной экзотичностью: что за королева? Почему – Мод? Кто и когда назвал ее именем ледяную пустыню?

Перед моим слегка затуманенным взором по очереди вставали плавучие ледяные горы, хищные утесы, бородатые люди, обледеневшие паруса, зловеще звенящие на ветру, переливчатые сполохи полярного сияния... Бальные залы, кринолины, бриллиантовая диадема, детское, холодное лицо, трещинки на нем, как на старых полотнах в Русском музее... Взгляд в никуда... Деловитые пингвины, похожие на взвод вышколенных официантов, по очереди соскальзывают в дымящиеся черные волны...

Классе в седьмом я справилась о королеве со странным именем в школе, сначала у учительницы географии, потом – истории. Обе одинаково отмахнулись от меня: о королеве Мод они не знали ровным счетом ничего, и не хотели, чтобы я отвлекала их по пустякам.

В районной детской библиотеке пожилая тетенька искренне хотела мне помочь, но не сумела разыскать ничего подходящего в подвластных ей фондах.

В Публичку меня не пускали без паспорта. Когда я объяснила свою проблему, мне посоветовали сходить в Библиотеку Академии Наук с кем-нибудь из родителей. Там скорее и полнее разыщутся интересующие меня сведения.

«Мама, – попросила я. – Ты не могла бы после работы зайти и записаться в Библиотеку Академии Наук? Я знавала, они по понедельникам работают до семи часов, ты успеешь.»

– Зачем это мне? – удивилась мама.

– Мне нужно узнать про королеву Мод, – честно объяснила я.

– С ума сойти, Анжелика! – вздохнула мама. – Только мне и дела после работы! Ну почему бы тебе, как всем детям, во дворе не поиграть? Да и полы неделю не мыты. Мы, между прочим, в твоём возрасте уже мальчиками интересовались, а не этими... полярными королевами...

Я ничего не ответила, но подумала, что мама, кажется, не очень последовательна в своих пожеланиях...

Из холодного вестибюля куда-то вверх уходила широкая лестница. Вкусно, как обедом, пахло старинными книгами. Бородатый дяденька в толстых очках был третьим, к кому я обратилась. Предыдущие двое вежливо отказали.

– Заказ будет готов только через два часа, – сказал он. – Если ты согласна ждать, то...

– Я буду ждать здесь! – сказала я и для верности указала пальцем.

– Ну зачем тебе два часа стоять, – примирительно сказал дяденька. – Вон там, под лестницей, есть стулья, ты можешь посидеть.

– А меня не выгонят?

– Запомни, девочка: из библиотеки Академии Наук не выгоняют желающих знать, – наставительно сказал дяденька.

От его слов у меня на глаза почему-то навернулись слезы. Я привычно запрокинула голову и загнала их обратно. Большие девочки не плачут – это я давно усвоила.

Ждать пришлось почти три часа. Я уже начала думать, что дяденька забыл обо мне, но вот – он спустился торопливо, и сразу же положил руку мне на плечо, заглянул в глаза.

– Понимаешь, девочка, на русском языке я как-то ничего не нашел. Наверное, есть где-нибудь, но я не мог сообразить. Это все-таки не моя специальность. Поэтому долго. Вот – из английского географического журнала, я перевел и записал тебе на листке. Возьми.

– Спасибо большое, – сказала я, взяла листок и вышла из библиотеки, потянув на себя тяжелую, резную, деревянную дверь.

Он смотрел мне вслед. Я чувствовала себя так, как будто бы должна была сказать или сделать что-то еще, но ни тогда, ни потом не могла сообразить – что именно. У каждого, наверное, бывали в жизни такие мгновения... Спустя много лет мне однажды пришло в голову, что я должна была спросить его имя и назвать ему – мое собственное.

Листок, на две трети заполненный крупным, летящим почерком, я прочла еще в трамвае, когда ехала от библиотеки к станции метро Василеостровская.

«Королева Мод (Queen Maud), Шарлотта Мария Виктория, годы жизни – 26.11.1869 – 20.11.1938 – старшая из выживших (3 – й ребенок) детей короля Эдварда 7 (Английского, сына королевы Виктории) и королевы Александры (принцессы Датской). Ее сестра, принцесса Дагмар (Мария Федоровна) была женой Александра III (Императора Российского) и матерью Николая II, следовательно, королева Мод приходилась кузиной нашему последнему царю.

22 июля 1896 года принцесса Мод вышла замуж за своего кузена – принца Карла Датского (впоследствии с 1905 года Хаакона 7 Норвежского). Их единственный ребенок – принц Александр (впоследствии король Норвежский Олаф 5) родился 2 июля 1903.

Хаакон седьмой был по сути первым настоящим норвежским королем (*Haakon VII of Norway* – 3.08.1872–21.09.1957). До этого у Норвегии были какие-то хитрые унии с Данией и Швецией, и своего отдельного короля не имелось.

Впервые побережье земли, ныне называемой Землей королевы Мод (Queen Maud Land) увидела русская экспедиция Беллинсгаузена в 1820 году.

Столетием позже в 1929-30 годах норвежский капитан Hjalmar Riiser-Larsen с помощью самолетов (взлетавших с его корабля) исследовал эти места, впоследствии они были названы Землей королевы Мод. Интерес норвежцев в этих водах, в 20–30-х годах был связан с китобойным промыслом. И до сих пор, кстати, Норвегия предъявляет претензии на владение этой частью Антарктики – между 20° з.д. и 45° в.д.»

Потом в квартире переклеили обои, а карта обтрепалась по нижнему краю и отправилась на антресоли, где мама хранила вещи, которые «может быть, когда-нибудь пригодятся».

И о Земле королевы Мод я снова вспомнила только много лет спустя.

– Я знаю, папашу вовсе не алкаши убили, – сказал Кирилл, сумрачно сверкая глазами в полутьме коридора. – Только менты всамделишного убийцу все равно искать не станут...

– Почему же? – спросила я.

– А на что им? – Кирилл пожал плечами. – Тот так и сказал: сдох, всем легче...

– Ты не так понял, – попыталась объяснить я. – Это он просто так неуклюже утешить пытался. Глупо, конечно...

– Нет! – мальчишка упрямо помотал головой. – Он взаправду говорил...

– А почему же ты думаешь, что версия милиции – неправильная? – я попробовала сменить тему.

Кирилл испытующе взглянул на меня, потом на ряды дешевых детективов на дощатых, не струганных полках.

– Вы чего, все это прочли, что ли? – вопросом на вопрос ответил он.

– Ну... скажем так – просмотрела, – уклончиво сказала я.

Врать мне не хотелось, но и спугнуть мальчишку – тоже. Кирилл крайне редко откровенничал со взрослыми. Да что там редко – никогда. Что же теперь? Конечно, смерть отца, каким бы он ни был, – потрясение для любого подростка. Может быть, ему просто хочется поговорить об этом? С кем-нибудь, кто не станет жалеть и причитать? (зная меня, он мог быть стопроцентно уверен в обоих пунктах). Почти автоматически во мне проснулся специалист.

– Если ты хочешь что-то сказать, я тебя выслушаю и отнесусь к этому серьезно. Обещаю, – сказала я, допустив в интонацию лишь самую малость внушения. – Давай зайдем ко мне в комнату.

Кирилл пожевал еще пухлую нижнюю губу, обжег меня еще одним недобрым взглядом и решился.

– Ладно, пойдем.

Я распахнула дверь. Подросток вошел первым.

Прямо у входа он споткнулся о Хлопси (а может быть, это была Топси). Зверюшка истошно завизжала. Кирилл нагнулся, не глядя взял ее на руки и стал сильно пощипывать жирный загривок. Визг сразу прекратился, сменившись довольным пофыркиванием.

Я оглядела пол, но, кроме объекта на руках у Кирилла, никого не обнаружила. Клетка у окна, разумеется, была пуста.

– Попытались, сволочи, – вздохнула я.

* * *

Вообще-то я равнодушна к детям и животным. Это качество в моей собственной системе ценностей обозначает категорическую недоразвитость и неполноценность человеческого экземпляра. Впрочем, до действий по этому поводу у меня никогда не доходило, так как законы природы и их требования – это, пожалуй, единственное, что я действительно уважаю. Как я уже упоминала, у меня есть взрослая дочь. А у окна, в большой и неистребимо вонючей клетке живут четыре морские свинки. Я их, разумеется, не люблю, но прилежно за ними ухаживаю, кормлю, рву свежую травку на витамины и слежу, чтобы у них всегда была чистая вода, хотя, кажется, хомяки и морские свинки в последнем не нуждаются, если едят достаточно сочную пищу. Но я не знаю наверняка и потому регулярно, с брезгливой гримасой на физиономии прочищаю поилку. Свинки, разумеется, завелись в комнате не по моей воле. Одна девочка три года назад умолила меня взять ее морскую свинку всего на две недели, пока она едет в отпуск на море. Прямые наезды на меня не действуют абсолютно, но вот если начать меня убеждать, что это необходимо, и только я могу помочь... Обычно я в конце концов соглашаюсь.

Девочку я больше никогда не видела, а подозрительно толстая, бело-рыжая свинья в положенный срок разродилась четырьмя маленькими уродливыми свинками. Один из детенышей к вечеру сдох, а три других выросли и превратились в точную копию мамы. Я их не слишком-то различаю, хотя и дала из приличия имена. Свинок зовут Топси, Мопси, Хлопси и Флопси. Все они невероятно глупы, и имен своих, конечно же, не знают. Впрочем, Флопси (если я не ошибаюсь) кажется посмышленнее остальных и где-то года за полтора научилась носом отодвигать задвижку в клетке, если я не запираю ее до самого упора. Увидев открытую Флопси дверцу, свинки расходятся по углам и там затаиваются. Вечером, обнаружив пропажу, я шарю под диваном и прочей мебелью шваброй и где-нибудь непременно натываюсь на испуганное пофыркиванье. Три свинки, будучи схваченными, висят покорно, как пыльная ветошь (грязи у меня в углах столько, что свинок после каждого похода приходится полоскать в тазу), а Флопси лягается короткими ножками и пытается укусить меня за руку. Понятно, что Флопси нравится мне больше других.

Единственная видовая информация, которой я располагала на момент заведения своих домашних животных, относилась еще к той поре, когда я работала в научно-исследовательском институте. Там бытовала такая сексистская загадка: «Угадай, что общего между морской свинкой и женщиной ученым?» Правильный ответ: «Морская свинка по сути и не „морская“, и не „свинка“. А женщина-ученый – и не ученый, и не женщина».

О прочих привычках своих постояльцев я не осведомлена, и даже не знаю, кто они по полу. Формальная логика подсказывает, что все – самки, иначе количество свинок в нашей квартире возрастало бы в геометрической прогрессии. Возможно, у морских свинок действует та же, что и у людей, закономерность: самцы менее живучи, и единственный представитель «сильного» пола в свиньячем семействе сдох сразу после рождения.

* * *

Топси (Мопси, Хлопси) на руках Кирилла закатила глаза и приобрела вид еще более идиотский, чем обычно. Приблизительно такой вид почему-то имеют дамы в годах, появляющиеся «в обществе» с молодым кавалером.

– Колян сказал, что за два дня до того папаша с каким-то хмырем базарил, который на «мерсе» приехал.

– Но, может быть, хмырь просто дорогу спрашивал, или номер дома? – предположила я, решив пока не вдаваться в подробности и уточнения. Представить себе, что у Федора могли быть какие-то дела с владельцем «мерседеса» я не могла категорически.

– Да! Как же! Он сказал, они как бы не час беседовали, Колян, пока ждал, всю водяру вылакал, папаша его потом сам чуть не убил...

– А что же, Федор потом пересказал Коляну содержание разговора? – спросила я.

– Нет! В том-то и дело! – торжествующе воскликнул Кирилл. – Колян и сейчас обижается, мол, рассказал бы мне, может, ничего дальше и не было бы. Он спрашивал его, конечно. А папаша уперся: секрет фирмы, говорит, и ухмыляется так паскудно...

– Зачем это тебе? – спросила я.

Кирилл бросил на меня быстрый взгляд, шевельнул губами и не ответил. Однако, я поняла. Пареньку очень хотелось, чтобы если не в жизни, то хотя бы в смерти отца было что-то значительное, превышающее масштаб квартальной рюмочной.

– Хорошо, – сказала я. – Сведи меня с Коляном. Но как хочешь: сделай так, чтобы он был хотя бы относительно трезвым.

Кирилл кивнул, встал, опустил Хлопси в кресло и вышел, ничего более не сказав. Я не обиделась, так как давно привыкла к тому, что говорить «спасибо» и вообще благодарить Кирилл, по-видимому, просто не умеет. Так же, как и приблизительно половина лиговских детей. Порою мне даже кажется, что проще было бы научить их выражать свои эмоции по-собачьи: кусаться или лизать руки – в зависимости от обстоятельств. Скорее всего это не так, просто я, как уже упоминалось, не люблю ни детей, ни животных.

* * *

Иногда мне кажется, что на Лиговке всегда – поздняя осень. Впрочем, нет. Еще бывает середина жаркого пыльного лета. Все прочие времена года здесь куда-то деваются. Местный феномен. Флуктуация. В фантастике шестидесятых описывали что-то подобное.

Многие говорили и писали об акварельности ленинградских и петербургских пейзажей. Я и сама знаю в городе такие места. Лиговка нацарапана на закопченном стекле. Или написана углем на картоне.

Матово-желтое солнце на сером небе. Пейзаж несвежего яйца. Снег падает изредка и исчезает неизвестно куда, как гуманитарная помощь. Когда приходишь из ближайшего магазина домой, хочется выпить водки или почиститься щеткой. Хотя твердо известно, что это не поможет. Лиговка живет внутри. Излечиться от нее также трудно, как от гепатита.

* * *

Колян был похож на телевизионную помеху в старом, черно-белом телевизоре. На нынешнем сленге его состояние называлось – «колбасит и плющит». Тоже довольно точно.

На пальто моего собеседника виднелись следы вчерашней закуски. Кажется, это были сардины и бобы в томатном соусе. Из кармана торчало горлышко пустой бутылки. Дрожащие руки жили своей суетливой жизнью. Мозг умирал без литавров, панихид и чьих-либо (в том числе и хозяина) сожалений.

Чтобы поскорее извлечь нужные мне сведения, не терзая свое обоняние и сократить время мучений Коляна, я без зазрения совести использовала все известные мне и подходящие к случаю психотехники.

Результат обескураживал.

Получалось, что пьяница Колян *действительно видел*, как накануне смерти его друг Федор Кривцов встречался с явно заинтересованным именно в нем, Федоре, человеком. Человеку было около пятидесяти лет, он ни от кого не прятался и не скрывался, приехал на машине марки мерседес, был одет в кожаное длинное пальто и кожаную же кепку. Роста среднего, никаких особых примет не имеет. Когда незнакомец разговаривал с Федором, то показывал ему какую-то бумагу из папки, которую держал в руках. Может быть, текст, может быть, фотографию. Федор, глядя в раскрытую папку, отрицательно качал головой. Незнакомец вроде бы Федору ничем не угрожал и ничего от него не требовал, с начала до конца разговаривал вполне спокойно и даже уважительно. Последнее утверждение можно списать на гордыню Коляна, но первое – сомнений не вызывает. Разговор был *спокойным*. В этом Коляну можно верить. Алкаши чувствуют изменения окружающей эмоциональности в нелогичным способом, как собаки и маленькие дети. Условие выживания.

Напоследок Федор и незнакомец как будто бы о чем-то договорились и пожали друг другу руки. Потом последний сел в мерседес и уехал, а Федор пошел пить водку с Коляном, но, даже выпив, так ни о чем и не рассказал. Колян, разумеется, настаивал, но Федор только загадочно ухмылялся и говорил, что, мол, Лиговка еще себя покажет...

Показала...

Я спросила Коляна, почему он не рассказал всего этого милиционеру. Пьяница скорчил обиженную мину и сообщил, что его «ни о чем таком не спрашивали» и интересовались только тем, где был он сам в предполагаемое время убийства (у Коляна было железное рюмочное алиби), и еще: кто из их общих друзей мог по пьяни прикончить Федора Кривцова?

* * *

Следующий вопрос: зачем мне это нужно?

Никакого ража к играм в детективов я не испытывала в детстве и юности, и не испытываю теперь.

Кирилла ввели в заблуждение книги, и это – неудивительно.

С литературой мои отношения всегда были едва ли не сложнее, чем с реальной жизнью. Наследие советского интеллигента, в жизнь которого виртуальность входила чуть не с молоком матери и, во всяком случае, задолго до изобретения персональных компьютеров.

Описание кровавого убийства и его расследование – верное, хотя и кратковременное средство от скудости эмоциональной жизни. Причем номер построен на контрастах. Не случайно действие самых изящных детективов разворачивается на максимально уважаемом фоне. Это закономерно. Представьте: вековая зализанность фамильного замка, вышколенная прислуга, тускло блеснувший в отблесках камина бок серебряного кофейника... Или: евроремонт, бежевая кожа пухлого дивана, тихая музыка, благородные очертания кухонной техники «Бош», отмытой «Комметом» и прочими абразивными изысками последнего поколения... Чтобы возникла разность потенциалов, действие пошло, – что напрашивается? Правильно – недвижимое тело с медленно расползающейся из-под головы лужей отнюдь не кетчупа... И так далее – см. все бесчисленные современные детективы.

А вот другая картинка: выщербленная мостовая, продавленная сетка кровати, обкрошившийся кирпич, осколок зеленого стекла с загустевшей в углублении каплей, грязная приглушенная ругань где-то вблизи сцены... Что должно произойти здесь, чтобы началась жизнь по законам литературы? Среди битого кирпича расцветает прекрасная роза, рождается удивительная и чистая любовь... И опять же тому подобное – см. нашу и зарубежную классику 19 и 20 века.

Вышеприведенное рассуждение кажется мне таким очевидным и лежащим на поверхности, что трудно не удивляться тому, как последние лет десять по телевизору, в газетах, журналах и пр. неглупые вроде бы люди то и дело занудно спрашивают друг друга: «Отчего это на наших экранах и в наших книгах так много насилия, убийств, крови и т.д.?» Потому что пытаемся строить общество потребления, а не чего-нибудь другого. А психологические законы дают свою отмашку. В том числе и в литературе. Что же в этом странного или непонятного? Все в соответствии с законом сохранения вещества и энергии, сформулированного еще Ломоносовым: «Если где-то что-то прибавится, то где-то непременно что-то убавится». Добавим еще сиропу в семейную рекламу йогурта «Фруттис», получим еще поллитра экранной крови в следующем за рекламой боевике «Убить и выжить».

* * *

За последние дни лицо у Зои почти не изменилось, только покрылось темными пороховыми крапинками, как будто бы она только что вышла из боя. Кирилл шлялся дольше обычного. Машка из соображений такта еще не решалась в открытую хамить матери, и потому то и дело отыгрывалась на Кире. Кира ревела хриплым баритоном и била ногами по стенам. Прочие с явной неловкостью таскали по квартире траур, как шляпу, которую держат в руке и не знают, куда пристроить. Только Руслана почти в открытую торжествовала: каким бы ни был Федор, но раньше у детей Кривцовых было перед ней существенное преимущество – наличие отца. Теперь это преимущество исчезло.

– Бог тебя накажет, – не выдержала как-то Фрося. – Нельзя перед лицом смерти злорадствовать...

– Кто бы говорил! – презрительно фыркнула Руслана.

Фрося пригорюнилась, видимо, и вправду задумалась о своих грехах.

– Бросьте, Фрося, – сказала я. – Не обращайтесь внимания.

Злости на Руслану не было – только раздражение, как от просыпавшейся на грязный пол крупы. Вошедшая в кухню Дашка вдруг всхлипнула непонятно над чем. Федора она не любила и в частых семейных разборках Кривцовых всегда грудью бросалась на защиту Зои и детей. Однако, Зоя как будто бы ждала сигнала: в суп начинающимся дождем закапали крупные слезы.

– Федька добрый был и веселый, – в полный голос заявила вдова. – Мухи не обидит. Его через то и любили все. За что убивать-то?

Руслана от неожиданности засмеялась, но тут же поняла, что переборщила, и закрыла себе рот ладонью.

Комментариев Зоино заявление явно не требовало. Я вопросительно взглянула на Дашку.

– Мужик из той квартиры к соседке клеится, – поспешно сообщила она. – А у самого ребеночек маленький и жена сердцем болеет.

– С чего взяла? – с интересом спросила Фрося. Она сразу же поняла, что речь идет о «сериале», который Дашка смотрит в чужом окне из своей комнаты.

– Он ее на кухне лапал, – ответила Дашка. – Она сначала отбивалась, но все равно так... понарошку как бы...

– А тебе жену жалко? – уточнила Фрося.

– Конечно, – Дашка хлопнула широким носом. – Маленькому-то у них едва два годика исполнилось... А она чуть не каждую ночь ходит из холодильника какие-то капли пить...

– Вернее всего – валокордин, – вступила в разговор Зоя, прекратив плакать.

Я облегченно вздохнула.

– А может, и корвалол, – сказала Фрося. – Или настойку какую-нибудь.

Фрося не пьет вообще никаких лекарств, но любит беседовать о различных способах лечения. Она помнит лечение кровопусканием, холодным и горячим обертыванием, скипидаром, касторкой и пирамидоном. Помнит, как все это «отменили». Придерживается довольно интересной мне, как бывшему биологу, теории. В самых общих чертах она доступна вербализации и заключается в следующем. Существование лекарственных веществ Фрося не отрицает вовсе, но полагает, что человеческий организм может сам синтезировать любое потребное лекарство из поступающей пищи и питья. В нужных именно ему и единственно правильных дозах и концентрациях. «А откуда они еще берутся-то?» – рассуждает она. Поэтому в медицине главное – скрупулезно подобрать диету и поддерживать в больном волю к жизни. Поскольку оба пункта стопроцентно совпадают с основными положениями медицины Гиппократа, я не могу мысленно Фросе не аплодировать.

Заболев, Фрося лечится в полном соответствии со своей концепцией. Когда она плохо себя чувствует, всех навещающих ее просит рассказывать «истории» (предпочитая смешные, но не отказываясь и от страшных – «лишь бы не скучно было»), при этом ест мало и очень выборочно, и каждую трапезу заканчивает рюмкой водки (вероятно, для образования внутренней «настойки»). Когда в позапрошлом году участковый врач подозревал у старушки пневмонию (идти на рентген Фрося отказывалась), я, чувствуя себя полной идиоткой и мысленно готовясь к похоронам упрямой соседки, спрашивала: «Ну что, Фрося, антибиотиков, если хотите, я могу нарастить вам сколько угодно в помойном ведре... Но в каком продукте, позвольте узнать, может располагаться аспирин, чтобы сбить вам температуру?!»

«Капустки и морковки сырой принеси, Анджа, если не трудно... – с трудом шевеля поиневшими губами, отвечала Фрося. – И бутылочку винца красненького... Вроде „Медвежьей крови“ чего-нибудь...»

Спустя три недели врач, навестивший и внимательно выслушавший больную, признаков пневмонии уже не слышал.

Учитывая Фросин возраст, бодрость старушки и полное отсутствие маразма, полагаю, что к ее теориям можно было бы и прислушаться. В конце концов, я как специалист могу подтвердить, что ее концепция ничуть не глупее тех, что порою появляются на книжных прилавках, в твердых обложках и с разноцветными картинками.

Еще о книжках. Два стеллажа детективов в коридоре нашей квартиры, в сущности, принадлежат мне. Теперь, правда, они стали как бы коллективной собственностью, но изначально были объектом именно моего интереса и исследования. Почему бы и нет?

Мне не нравится, когда любое явление трактуют в стиле «или-или». Феномен массовой литературы заслуживает своих исследователей. Где они? О нынешних детективах, например,

мне так и не удалось прочесть ни одной приличной критической статьи. Либо категорическое: «ЭТО – не литература!» (А что же тогда?); либо тот или иной ярлык-выкидыш англо-саксонского происхождения: «ЭТО – супербестселлер!» (Ну и что из этого следует? Как это объясняет суть или хотя бы происхождение явления?).

Я тяжело живу. Не по обстоятельствам, а по ощущениям. И постоянно о чем-то думаю – то ли привычка, то ли врожденный дефект. В детстве и юности долго не могла поверить, что у других – не так. Чтобы уравновесить собственную тяжесть, мне нужно что-нибудь легкое, как объект размышлений. Почему не детективы? Поскольку «книгу не читал, но автора не одобряю» явно не метод, я стала покупать эти книжки, менять или забирать у знакомых уже прочитанные, так как им они были уже не нужны. Один из первых результатов проведенного исследования: мне еще не доводилось видеть ни одного человека, который сознательно *перечитывал* бы уже прочитанные им современные детективы. Слово «сознательно» принципиально в плане чистоты эксперимента. У меня есть знакомый старенький академик-зоолог и две пожилые подруги моей мамы, которые любят для развлечения пролистать детективчик-другой и отнюдь этого не скрывают. Так вот они, по их собственному признанию, многие детективы фактически перечитывали по два и даже по три раза, и только к последней трети по совокупности признаков догадывались о том, что они *это* уже читали.

У моего исследования есть и другие результаты, но применения им я пока не нашла, да, если честно, и не искала. Писать статью в Литературную газету? Суета... Есть большой спорт и утренняя гимнастика. Первое – зрелище, второе – польза для здоровья. У меня, конечно, второе – гимнастика для мозгов, чтобы не слишком быстро усыхали.

Когда разноцветных книжек стало слишком много, мы выбросили из коридора около кубометра какого-то коммунального барахла неопределенного происхождения (например, так никто и не признался к трем пальто, линзе от телевизора КВН и старинному репродуктору-тарелке), Семен по моей просьбе сколотил из досок два стеллажа, туда я и поместила книжки. Фрося и Семен распустили в квартале тщательно отредактированный мною слух и – дело пошло. Теперь читающие жители Лиговки по вторникам, во второй половине дня ходят к нам менять прочитанные ими детективы. Каждый обмен стоит три рубля. Квартирным «библиотекарем» состоит Семен под присмотром Фроси. Он почти всегда дома, а по вторникам не пьет до самого вечера. Семен принимает деньги и следит за соблюдением порядка. На вырученные от обмена рубли мы покупаем новые книжки. Мое начинание пользуется в квартале определенной популярностью.

Когда раздался звонок, я вспомнила, что сегодня как раз вторник. Наверное, по случаю траура следовало бы отменить «прием», но я как-то не сообразила. Да и как, собственно, это можно было сделать? Давать всем приходящим от ворот поворот, объясняя ситуацию и отвечая на неизбежные вопросы? Пожалуй, проще позволить желающим быстренько поменять книжки...

– Анджа, это к тебе, – позвал из коридора Семен.

– Ко мне? – невольно насторожилась я. Я никого не ждала, а неожиданные, без звонка, гости ко мне не ходят. Не тот возраст и не тот характер.

В коридоре у моей двери стояли два милиционера, и с недоумением оглядывали Семена, который, опираясь подмышками на костыли, держал в руках пластиковую коробочку из-под майонеза, до половины наполненную тусклыми рублями, двухрублевиками и пятерками. Повидимому, милиционерам еще никогда не доводилось видеть калек, просящих милостыню в своей квартире. О нашей «библиотеке» они, разумеется, ничего не знали. Пожилой участковый о ней, напротив, хорошо осведомлен, и, с моего согласия, иногда использует этот своеобразный квартальный клуб в своих профессиональных целях.

«Старость наступает тогда, – читала я в мемуарах какой-то знаменитой советской дамы. – Когда понимаешь, что все милиционеры, в сущности, молодые люди...»

Зачем-то явившиеся ко мне милиционеры были возмутительно молодыми. Я печально вздохнула и ждала процедуры предъявления удостоверений и какой-нибудь фразы насчет: «нам надо задать вам еще несколько вопросов...»

Во всяком случае, именно так вели себя в телевизоре милиционеры, расследующие уголовное дело. Несколько удивляло, что они пришли вдвоем. Во всех детективах написано, что в милиции категорически не хватает людей. Не опасаются же они меня, в самом-то деле?!

Удостоверений молодые менты предъявлять не стали, и вообще вели себя как-то необычно, как будто бы смущались.

– Что ж, проходите, – сказала я, открывая дверь в комнату, проходя вперед и тапком отпихивая с дороги Флопси, опять находящуюся на вечном и бесперспективном пути к свободе.

– Ой, это у вас что? – с явной опаской спросил тот милиционер, который выглядел постарше напарника. – Хомяк?

– Да, только большой, – подтвердила я, не желая вдаваться в объяснения.

– Ну ни черта себе! – милиционер прищелкнул языком. – А чего это он так вырос?

– Флуктуации биополя. Мутация, – еще раз вздохнув, сказала я.

Милиционеры, как и мои хомяки, тоже были особой породы. Зачастую перекинувшиеся из бывших трудных подростков, из социально неблагополучных семей. Так сказать, антиподы Братка Леши. Две расходящиеся мутации. Разновидность: мент лиговский, привокзальный...

– Вот, вот! Вы сами сказали! – откровенно обрадовался тот милиционер, что помладше. – Мы же как раз за этим к вам и пришли! По личному, так сказать, вопросу...

– Простите? – не поняла я. – За чем вы пришли?

В голове промелькнуло сразу несколько одинаково диких и абсурдных мыслей. Милицейские криминалисты хотят о чем-то посоветоваться со мной, как с бывшим биологом. Федор был мутантом, и теперь, после вскрытия это выяснилось. Одна из современных мракобесных организаций занялась коррекцией лиговского биополя, и при этом каким-то образом заручилась поддержкой милиции... И так далее, по нарастающей. От мысли, что на сегодняшний день все вышеперечисленное в принципе возможно, по моим губам словно сама собой проползла улыбка и пощекотала их.

Милиционеры синхронно улыбнулись в ответ – отраженными, почти робкими, мальчишескими улыбками. В этот момент я догадалась.

– Ваше отделение находится под покровительством Сатурна, – заявила я. – У вас, – я бесцеремонно ткнула пальцем в того милиционера, который показался мне более бойким и по-мужски привлекательным. – Неопределенность в отношениях с женским полом, а у вас, – тут я указала на второго милиционера. – Уже давно неприятности с желудком. Вы подозреваете что-то нехорошее, но, по счастью, напрасно...

И желудочные, и ипохондрические проблемы были очевидны внимательному наблюдателю, каковым, скажу без ложной скромности, я всегда являлась. «Да и чем они там, на работе, целый день питаются-то? В забегаловках, да при вокзале? – с сочувствием подумала я. – Регулярно, да еще без вреда для себя переваривать лиговско-вокзальные пирожки не легче, чем в причернобыльском лесу выжить...»

Милиционеры смотрели на меня с животной выразительностью парочки Топси-Хлопси.

– Отвечу на все ваши вопросы, но в обмен вы расскажете мне, как проходит расследование по делу убийства Федора Кривцова. Дальше меня эти сведения никуда не пойдут.

Я старалась говорить отчетливо и отчужденно, как Никита из одноименного фильма. Расхохотаться посетителям в лицо хотелось, но умеренно. Кажется, я уже приняла решение.

Милиционеры переглянулись и после паузы согласно кивнули.

Психологическая консультация получилась продолжительной, но не слишком интересной. Любимец женщин на самом деле дорожил своей работой в органах охраны правопорядка,

и власть любил больше, чем большую зарплату. Мечтал о карьере, звездочках на погонах. При этом оставался человеком достаточно легким, а значит – сравнительно безопасным. Искать более хлебных мест его подталкивали родители. Узнав, что иные звезды вполне благосклонны к его нынешнему трудоустройству и амбициям, он сразу же успокоился, расслабился и забалагурил. Второму – ненормированная и плохо оплачиваемая оперативная работа в самом прямом смысле стояла поперек глотки. Второй год он мучился постоянной тошнотой, бессонницей и запорами. Не мог пить вместе со всеми. Начал видеть жизнь и людей исключительно в черном цвете. Ему надо было уходить...

... Экспертиза сообщила, что Федора Кривцова били перед тем, как зарезать. «Непрофессионально», – так выразился желудочник. Подумать только – значит, где-то есть и профессионалы! Живут среди нас. Не во времена Тайного сыска или Третьего рейха, а нынче... «Непрофессионально, но и не случайным образом, по-видимому, хотели что-то узнать...»

Но что можно было узнать у несчастного Федора?! Где спиртное дешевле?

И – следующий вопрос – удалось ли *им* это узнать?

Глава 3. Попытка дедукции

После ухода милиционеров я некоторое время пребывала в унынии. Даже бодрый коридорный скандал между Кирой, Русланой и вступившейся за сестру Машкой не сумел по-настоящему отвлечь меня. Вышагнув из комнаты, я, не теряя угрюмой флегматичности, растащила визжащих старших девчонок, отвесила оплеуху ушедшей в истерику Машке, погрозила кулаком Руслане и сунула Кире сохлый пряник, завалившийся в кармане домашней секонд-хэнд-овской куртки. Девочка тут же позабыла обо всех обидах и принялась мусолить неожиданное угощение. Ничьих объяснений я слушать не стала, так как они были мне совершенно не интересны. Психологией тут и не пахло, а зоология меня в данный момент не слишком занимала. Очистив коридор от дарвиновской борьбы за существование, я отправилась в магазин, так как ничего съестного у меня дома попросту не осталось. «Анджа, ты в какой магазин идешь?» – спросил высунувшийся из своей комнаты Семен, увидев у меня в руках продуктовую кошелку. «Не знаю, – равнодушно откликнулась я. – А что вам надо?» – «Нет, но что ты собираешься покупать?» – настаивал Семен, отличавшийся своеобразной тактичностью. «Еду,» – честно ответила я. Семен что-то прошипел себе под нос.

Я прекрасно понимаю, что на фоне нынешнего этапа развития нашего общества смотрюсь почти уродом. Я действительно ем «еду», а ношу «одежду». Так меня воспитали в детстве, и с тех пор ничего для меня не изменилось. Обычно я храню это как тайну по двум причинам. Во-первых, никакому нормальному человеку не хочется выглядеть уродом в глазах окружающих, а во-вторых, я искренне рада тому, что большинство людей даже не подозревает, что разнообразие и лишние вещи *настолько* не имеют никакого значения. Нельзя не признать, что это незнание здорово украшает их жизнь, а иногда даже как бы наполняет ее смыслом. Но с собой-то ничего поделаться нельзя, а притворяться – не вижу смысла.

Итак, я никому об этом не говорю, но про себя искренне считаю, что у каждого человека должно быть: два повседневных костюма и один выходной, пальто зимнее и пальто осеннее, сапоги, туфли, босоножки и несколько смен белья. Из мебели в квартире обязательно должны иметься кровати или диваны по числу живущих, стол рабочий, стол кухонный, шкаф для одежды и для посуды, и достаточное количество стульев и табуреток. Всё. Наверное, я как раз и есть тот идеальный «советский человек», которого хотели вывести на предыдущем этапе нашей государственной эволюции. Все значительные и действительно занимавшие меня события моей жизни в общем-то происходили у меня в голове. Мне так безразлична мода во всех ее проявлениях и ухищрениях, что иногда это пугает даже меня саму. Случается, что я кажусь себе роботом из фантастики шестидесятых годов (меня можно хоть сейчас сажать в космический корабль, погружать в летаргический сон и отправлять к Альфе Центавра), и тогда я быстро напоминаю сама себе, что и у меня есть пристрастия – я люблю макароны с сыром, музыку композитора Альбиниони, дешевую докторскую колбасу, песни «Темная ночь» и «Под небом голубым есть город золотой...», пирожные с жирным кремом и живопись передвижников. Обычно мне легко удается себя успокоить.

– Я не буду покупать вам пиво и сигареты, Семен, но могу купить что-то из продуктов, если вы четко сформулируете заказ, – сказала я.

Семен, не отвечая, прикрыл дверь.

* * *

Купив в ближайшем магазине две банки рыбных консервов, кусок сыра, помидоры, какие-то котлеты и батон, я, подходя обратно к дому, зачем-то подняла голову и взглянула

на окна нашей квартиры. На весь обширный фасад имелся только один балкон – просторный, потемневший, с наполовину обвалившимся ограждением. Еще до моего вселения в квартиру в ней побывала какая-то архитектурная комиссия, которая признала наш балкон аварийным и опасным для пребывания на нем людей, но, разумеется, ничего не предприняла по этому поводу. Пока в комнате с балконом жила Фрося, вопросов не имелось. После переселения туда детей Кривцовых проблема встала в полный рост. Несмотря на все опасности, Машку и Кирилла тянуло туда как магнитом. Фрося и Зоя серьезно беспокоились за их жизнь. Подстрекаемый встревоженными женщинами и недолго думая, Федор попросту заколотил балконную дверь. Дети смирились. Но сам хозяин иногда, будучи в пропорциональном подпитии, отгибал или даже вытаскивал гвозди и выходил-таки на опасное для жизни архитектурное излишество. И сейчас, сумрачным ноябрьским днем, который незаметным и тихим слизняком проползал от сумерек к сумеркам, глядя на наш балкон, я вдруг вспомнила совершенно другой день.

Тогда стоял, кажется, апрель. Во всяком случае воробьи орали отчаянно, снег в городе уже сошел, зелени еще не было, а серые утесы домов начинали неуверенно нагреваться под длинными и эгоистично самодостаточными лучами молодого весеннего солнца. Должно быть, именно вся эта метеорологическая активность окружающей среды и выгнала Федора Кривцова на аварийный балкон. Он уверенно стоял в прогале отвалившейся ограды и снизу был виден весь: от стоптанных шлепанцев до взлохмаченных темных волос. Вытянутые на коленях спортивные штаны сползли по его животу почти до паха. На застиранной футболке дурацкой ухмылкой скалилась зубастая диснеевская утка. В одной руке Федор держал свернутый в трубочку лист газеты, в другой – огромную лиловую пластмассовую мыльницу.

Периодически Федор окунал трубочку в мыльницу, некоторое время елозил ею там, а потом подносил узкий конец трубочки к губам, запрокидывал голову, смешно выпячивал щеки, и... на конце бумажного фунтика рождался такой огромный, такой радужный и сияющий мыльный пузырь, что просто захватывало дух. Видно было, что работает профессионал. Когда пузырь достигал размеров просто неправдоподобных, Федор по-кошачьи аккуратно встряхивал трубочку, пузырь отрывался и, осмысленно колыхаясь, медленно плыл над почерневшей за зиму Лиговкой, внося в окружающую убогую обстановку ноту истинного и непреложного чуда. В стенках пузыря отражались изогнутые дома, окна, вывески, два чахлая дерева, прохожие. Все это внутри его преображалось, приобретало цвет и привкус праздника. Потом пузырь лопался, а Федор тем временем приступал к изготовлению нового чуда... Полдюжины мальчишек, несколько совсем маленьких детей и их родителей и двое бомжей стояли внизу на тротуаре единой смеющейся кучкой и наблюдали за рождением и величественной, хотя и кратковременной жизнью федоровых пузырей. На их лицах, как на картинах Тулуз Лотрека, играли цветные южные отблески, не часто встречающиеся в наших краях. То и дело рядом с ними останавливался кто-то еще и поднимал голову. Ребятишки залиvisto смеялись. Молодые мамы ахали. На небе, вдруг, вопреки всему, блеснуло лимонное золото откуда-то прорвавшегося солнца. И в тот миг я, вместе со всеми собравшимися на тротуаре лиговцами, внезапно увидела, что Федор Кривцов невероятно импозантен и очень похож на американского артиста Джорджа Клуни в роли доктора Росса из сериала «Скорая помощь». Вот он спас жизнь очередному ребенку и теперь развлекает на заднем дворе больницы его тревожащихся за жизнь товарища однокашников...

Черт побери все на свете! – подумала я. – Больше никогда доктор Росс не выйдет на лиговский балкон...

Потом я вспомнила слова Зои про то, что Федор был хорошим и добрым человеком и горячо приняла их. Потом запрокинула голову и загнала обратно выступившие слезы.

* * *

Вернувшись из магазина, я огляделась, подошла к полкам, напрягла память и выбрала с десяток разноцветных книжек. «В конце концов, часть из них написана профессионалами, – уныло подумала я, венчая набранную стопку двумя томиками Александры Марининой под названиями „Смерть ради смерти“ и „Посмертный образ“. – И уж наверное они разбираются во всем этом лучше меня...»

Вообще-то я никогда не могла пожаловаться на работу своих мозгов, но от темы нынешних размышлений их явно клинило. Подражая кому-то из героинь, смутными тенями маячивших на границе моего сознания, я включила компьютер, создала файл «Федор Кривцов» и записала:

Причины убийства:

1) Федор оказался свидетелем какого-то ужасного преступления. Его и убрали как свидетеля, пока не проболтался.

Подходит:

Встреча с человеком из мерседеса – хотел убедиться в том, что Федор действительно что-то видел и понял.

Не подходит:

а) Что за ужасное преступление могло произойти в присутствии Федора Кривцова, между нашими распивочными, или в той жилконторе, где он в последнее время работал?

б) Что пытались узнать или чего пытались добиться от Федора перед смертью?

2) Убийство с целью ограбления.

Не подходит, так как красть у Федора было нечего. Говорят, что убивают и за сто рублей, и за бутылку водки. Наверное, но мне кажется, что это не тот случай. Тем более, что около ста рублей в кармане у Федора как раз и было. И никто на них не польстился.

3) Федор сам был замешан в каком-то криминале. Его убили поделщики, не поделив доходы или еще что-нибудь в этом духе.

Не подходит решительно ничего. Для того, кто наблюдал жизнь Федора и его семьи ежедневно (так, как это делала я) – совершенно абсурдное предположение.

4) Причины личного характера. Федора убил ревнивый муж его любовницы или сама любовница. Отчим внебрачного ребенка. Сам подросший ребенок и т.д. и т.п.

Подходит:

а) Хроническое пьянство Федора и его неполная, по-пьяни, вменяемость.

б) Федора перед смертью избивали, возможно, за что-то мстили.

Не подходит:

а) Человек из мерседеса (ну не его же жену отбил пьянчужка Кривцов!)

б) на свой лад Федор глубоко и верно любил свою жену и мать своих детей.

в) вышеописанные действия все-таки более характерны для мексиканских сериалов, чем для реальной жизни.

5) Федор уже давно был хранителем какой-то тайны. Его убили из-за нее, при каком-то неожиданном повороте событий.

Подходит:

а) человек из мерседеса, пытавшийся что-то у Федора узнать.

б) избиение Федора перед смертью.

Не подходит:

Никакая тайна не могла длительно храниться в насквозь проспиртованных мозгах Федора. Он бы ее либо позабыл, либо давно проболтался.

б) Федор погиб случайно, в результате трагического стечения лиговских обстоятельств. То ли подвернулся в чью-то пьяную разборку, то ли сам с кем-то по пьяни поссорился. В общем, все было так, как предполагает милиция.

Подходит:

все, кроме человека из мерседеса. Но тот мог быть совершенно отдельной случайностью, не имеющей никакого отношения к смерти Федора. Ведь разговор Федора с ним был, по утверждению Коляна, вовсе не угрожающим. Может быть, он просто просил Федора срочно заменить ему унитаз...

Седьмой причины мне придумать не удалось. Понапрягавшись еще минут пять, я встала из-за компьютера, включила чайник и одновременно пришла к печальному умозаключению: единственным выводом из этой логически безупречной галиматии является необходимость отыскать человека из мерседеса и выяснить, о чем именно он беседовал с Федором. Сделать это я, естественно, никаким образом не смогу. Но – более того! Даже если бы мне (или милиции, в которую я могла бы обратиться с данными Коляна) и удалось каким-нибудь образом узнать его имя и даже адрес, это все равно ничем не поможет. Если его разговор с Федором не имеет никакого отношения к смерти последнего, неизвестный респектабельный господин тут же все честно расскажет, что, разумеется, ни на сантиметр не приблизит расследование к настоящему убийце. А если он как-то связан со всем этим, то у него, конечно же, уже заготовлена какая-нибудь правдоподобная и подкрепленная материально версия вранья. Ведь человек из мерседеса встречался с Федором совершенно открыто и не мог не понимать, что тот же Колян его видел и, скорее всего, запомнил.

К позднему вечеру от подобных размышлений я чувствовала себя не только разбитой, но даже и отчего-то униженной. Все-таки, – рассуждала я, недоброжелательно поглядывая на стопку женских детективов. – Каждому действительно свое. Чтобы проводить время подобным образом, пусть даже и выйдя из репродуктивного возраста, и страдая от безделья, надо явно обладать иным, отличным от моего характером.

Потом мой взгляд наткнулся на Флопси, которая, привстав на задние лапки, с меланхолическим видом штурмовала батарею. Интересно, куда она хотела сквозь нее выйти? Какие мечты обуревали ее и какие картины вставали перед ее полузаплавленными от обильной кормежки глазками? Я еще раз посмотрела на разложенные на столе книги и подумала о том, что если бы я не только замахнулась на расследование убийства, но и написала об этом детектив, то, согласно традиции какого-то из издательств, на его обложке меня изобразили бы обсаженной морскими свинками. Эта мысль на несколько мгновений развлекла меня.

Но почти тут же снова стало неловко. Иронический детектив! Князь Вяземский, кажется, писал о том, что на русской сцене мало смешат и мало смеются. Он же: «литература не должна быть учреждением, параллельным уголовной палате». Извольте – сбьлись смелые мечты князя. Над чем еще не посмеялись? И не есть ли это еще больший абсурд? В последнем ироническом детективе модной писательницы, который я просмотрела, неуклюжее расследование дебиловатой героини стоило жизни уличному подростку и юной девушке-продавщице. Богато и иронически живущую героиню это вовсе не беспокоило...

Тут я, наконец, разозлилась. Хуже нет, когда начинаешь обвинять других в собственной несостоятельности! Князь Вяземский, видите ли! Модные писатели! Что мне Гекуба и что я

ей? И так далее на любом количестве страниц. Все вместе называется – постмодернизм. Или еще как-то. Бред!

Приняв решение, следует сделать в данном направлении все возможное, и, если и после этого ничего не вышло, спокойно заняться чем-нибудь другим. Итак: все ли возможное я сделала?

Разумеется, нет. Если мои убогие схемы не имеют практического выхода, то это еще ничего не значит.

Вздыхнув, я подошла к старинной облупившейся этажерке (она осталась мне от предыдущих жильцов комнаты) и взяла записную книжку.

Не выходя из криминальной парадигмы, можно сказать, что полицейские следователи не зря так любят записные книжки жертв и предполагаемых преступников. По записной книжке можно узнать о человеке очень много. Даже если он не записывает туда секретные шифры, адреса явок и пр.

Моя книжка – не исключение. Она стара (с надписью на обложке «Ленинград – город герой»), аккуратна и полупуста.

На самом первом листочке – список из двадцати имен, дат и телефонов. Это люди, которых я поздравляю с днем рождения. Вовсе не все они мои близкие друзья. Я очень вежлива, но не социальна. Когда в детстве я ездила в пионерские лагеря, в конце смены все ритуально обменивались телефонами и адресами. Мне нравились многие девочки и ребята из моего отряда, но я никогда ничего не записывала, потому что знала – все равно никогда никому не позвоню. Двадцатью людьми на первой страничке фактически исчерпывается весь круг моих знакомств и моего общения. Все остальное – немногочисленные деловые контакты или просто случайности.

Два имени обведены черным фломастером. Я думаю, это не надо объяснять. Если когда-нибудь я все-таки поменяю книжку, то перепишу туда эти имена и даты рождения. Это невозможно объяснить, но я чувствую, что надо сделать именно так.

Еще две фамилии окружены зеленой рамкой. Их носители, слава богу, живы-здоровы, когда-то мы были дружны, но последние несколько лет я каждый год колеблюсь, надо ли мне их поздравлять. Если говорить коротко: после перестройки они ушли в другой слой. Случилось это уже давно: когда встречаемся или говорим по телефону, то не можем друг друга понять, так как живем в разных реальностях. Одними и теми же словами мы обозначаем разные предметы и состояния. «Жить в достатке» «достойные люди» «хорошо провести время» «дать детям хорошее образование» «следить за собой» и т.д. Каждый раз я все-таки звоню. Возможно, от моих звонков они испытывают неловкость, так как сами уже давно меня не поздравляют. Но мне безразлична и их неловкость, и их «непоздравления». Я поступаю так, как мне удобней, и, естественно, не осуждаю их за то, что они поступают так же. В их нынешней системе жизни и ценностей звонить в лиговскую коммуналку – явно «не комильфо». Флаг им в руки и барабан на шею.

Моя рука уже потянулась к трубке телефона, стоящего все на той же этажерке. У меня у единственной есть свой аппарат в комнате. Все остальные насельники квартиры пользуются коридорным телефоном, и не возражают против этого. Только Наталья иногда втихомолку что-то шипит про то, что «некоторые слишком много о себе понимают». Она тоже могла бы поставить себе аппарат, но ей не звонит никто, кроме клиентов. Браток Леша последние два года общим телефоном не пользуется вообще и говорит только по мобильнику.

Тут в дверь поскреблись, и на пороге появилась Дашка с тарелкой, на которой лежали четыре аккуратных, масляно поблескивающих пирожка. Я тут же вспомнила о том, что не ужинала, и облизнулась.

– Ничего, что поздно? – спросила Дашка. – Вы ведь не спите еще?... Работаете? – Дашка отвесила нижнюю губу и уважительно повела глазами по включенному экрану компьютера и

отпрепарированным на столе детективам, лежащим обложками вверх. Я взглянула на часы и отдернула руку от телефонной трубки. Совсем с ума сошла: звонить людям в половине двенадцатого!

– Анатолий Мариенгоф, прекрасный писатель и друг Есенина, писал, что при слове «сплетня» люди обычно корчат брезгливую гримасу, а при слове «литература» поднимают глаза к потолку... – ответила я. – Кстати, Даша, а почему пироги – сегодня? Ведь Виктор Николаевич по средам...

– Сменнице ребенка завтра с утра к врачу вести, – объяснила Дашка. – Узлы у него распухли, а номерков – не достать. Уж она меня и просила... Я согласилась – до двух часов. Потом – голову помыть, на стол собрать, накраситься. Но уж пироги – не успеваю...

– Даша, ты заслуживаешь большего, чем быть любовницей этой добросовестной моли! – злобно сказала я. – Надо тебе хорошего парня вровень, который бы все это по достоинству оценил, и...

– Я знаю, – неожиданно спокойно сказала Дашка. – Меня один на рынке зовет. У него магазинчик крытый. Обувь и женский трикотаж. Иди, говорит, ко мне, ладно будет, все не на ветру промозглом стоять...

– Так он тебя работать в свой магазинчик зовет или... ну... как женщиной тобой интересуется? – не поняла я.

– Работать и как женщиной, – мотнула головой Дашка. – Это он говорит так, не умеет иначе... Только я, Анджа, не могу.

– Почему же? ... Да ты садись! Что ж ты стоишь-то? – спохватилась я.

Дашка поставила тарелку с пирожками на стол и присела на стул у двери, аккуратно сдвинув колени.

– Мне теперь деваться некуда. Пять лет. Я уже привыкла, чтобы говорить. Вроде окошка в мозгах, – тщательно подбирая слова, объяснила девушка. – Через него – мир видать. А ровня если – что ж они скажут? Я понятно...?

– Абсолютно понятно, – вздохнула я. – Кого-то сажают на иглу, кого-то на разговоры «об умном»... Но тогда хоть роди от него, что ли...

– Я бы хотела, но Виктор Николаевич не позволяет, – тускловатые дашкины глаза блеснули серебряной селедочной болью. – Говорит, что он так не может, что это – непорядочно.

– Черт знает что! – пробормотала я и замолчала.

Дашке, я это видела, хотелось еще поговорить. Может быть, неспешно выпить чаю с пирожками, обмениваясь ночными женскими репликами, мутно взглядывая за окно, прислушиваясь к скрипу старых полов и шебуршению упорной Флопси. Окно в мир. Или внутрь себя? Но мне нынче не хотелось быть еще одним Виктором Николаевичем. И вообще ничего не хотелось. У нашего воображаемого разговора не было предмета. Дашка казалось похожей на пеструю домашнюю утку.

– Спасибо за пирожки, Даша, – сказала я. – Они даже на вид просто восхитительны.

– Ну, вы скажете, Анджа, – уныло прокрякала Дашка и ушла, тяжело шаркая тапками.

Я включила чайник и нетерпеливо потянулась к пирожку.

«Я готов с пролетариатом вместе драться на одной баррикаде, но ужинать предпочел бы в разных ресторанах,» – это тоже Мариенгоф.

Все детство и юность меня учили различать добро и зло. Ну почему же из меня не получилось хорошего человека?

Глава 4. Свой круг

На следующий день я позвонила-таки своей школьной подруге Ленке – единственному знакомому мне юристу и бывшему милиционеру. Закончив юрфак, Ленка много лет работала в милиции инспектором по делам несовершеннолетних, но в конце концов уступила напору мужа, родила второго ребенка и уволилась. Муж хотел, чтобы Ленка сидела дома, пекла пироги и вылизывала квартиру. На это моя подруга категорически не согласилась и теперь работает в администрации Московского района на какой-то бумажной должности. Идеальный маникюр, деловой костюм и мелирование поседевших русых волос идут ей обалденно. На новом рабочем месте Ленка выглядит приблизительно на десять лет моложе меня. В том же здании, в каких-то то ли выборных, то ли назначенных чинах подвизается и ее муж, которого я с самого начала нашего знакомства недолюбливала и прозвала Демократом.

Ленка всегда умела слушать.

История с пузырями, как я и ожидала, произвела на нее адекватное впечатление. Она не стала спрашивать: «а на хрена тебе это надо?» «А почему бы тебе вместо детективов не начать собирать любовные романы?» «А не записаться ли тебе на курсы росписи по ткани?» и т.д.

– Ну разумеется, Анджа, я понимаю, – сказала Ленка. – Мыльные пузыри несчастного Федора – это так серьезно, что после такого *ты* просто не могла не ввязаться во все это. Чем я могу помочь?

– Как мне найти человека из мерседеса?

– Никак. Сдай Коляна милиционерам. Возможно, они сумеют его отыскать. Если, конечно, захотят.

– Не захотят. У них есть готовая и удобная версия. Пьяные разборки. Ее они и будут разрабатывать. Мерседеса им только не хватало.

– Скорее всего – так. Я подумаю. Если что-нибудь придет в голову, перезвоню.

– Спасибо, Ленка, – с чувством поблагодарила я. – Ты меня выслушала, это уже много. А ощущение, что еще кто-то умный над этим же думает – вообще класс.

– Стареешь, Анджа! – фыркнула Ленка. – В молодости от тебя лести ждать, что плодов от бесплодной смоковницы. А теперь, смотри-ка... Ну, здесь ясно. Давай лучше посплетничаем. Олег пишет? Что Антонина со своим? Бабкой-то тебя еще не сделали?

* * *

Олег – отец моей дочери Антонины. Я любила его до радужных кругов в глазах. Он был ошеломительно красив и ярок, я – невзрачна на вид и умна тем умом, который раздражает окружающих. Мне хотелось ему нравиться. Я слушалась советов опытных подруг и пыталась устроить ту пошлую тысячу мелочей, про которую теперь можно прочесть в любом, навскидку купленном журнале или дамском романе. Свечи, шампанское, красивое белье, ароматические палочки, страшно дефицитная пена для ванны... От палочек он чихал, шампанское называл газированной водой с сиропом, а свечи напоминали ему только про свежеусопших старичков и старушек, выставленных в церкви для отпевания. Про пену и белье говорил одинаково: «Прости, а нельзя тебя оттуда э-э-э достать?»

Интересовало его совсем другое. Любая самая бредовая историческая теория зажигала его зелено-голубые глаза таким нестерпимым блеском, что из них, как из фонариков били лучи, похожие на прожекторы черноморских пограничников. В них больно было смотреть, а на полу или на стенах, там, куда он смотрел, образовывались такие зелено-голубые кружочки. Вы скажете, что такого не может быть? Но я так помню. Помнит же каждый народ, что богатырь

такой-то с корнем вырывал деревья и останавливал реки. Значит, так было. Попробуйте-ка возразить народу! Или женщине, когда она любит мужчину всем сердцем...

Фоменко и компании тогда еще не было. Вот бы кто его позабавил-то. Был только Лев Гумилев (явление не науки, но – культуры), и мы бегали на какие-то полуофициальные встречи его и студентов Университета (тогда, слава всем богам, единственного – и можно было понять и определиться), где он излагал свои удивительные по тем временам теории, в которых одни непонятные вещи весьма изящным образом объяснялись еще более непонятными. Я слушала скрипучий голос потомка двух поэтов и почему-то вспоминала рассказы своей бабушки, как они в молодости в каком-то подвале слушали Маяковского в его знаменитой желтой кофте и... Отчего-то все и вправду выглядело тогда волнительным, и даже теперь воспоминания эмоционально окрашены, но...

Но мы с Олегом никогда не были женаты. Не получилось. Олег – археолог и вот уже много лет живет в Мексике. Имеет широкую известность в узких профессиональных кругах и множество публикаций в малопопулярных научных журналах. Зато на большинстве европейских языков.

Несколько лет назад Олег приезжал в Ленинград, познакомился с Антониной, и мы с ним даже пытались... Опять не получилось.

Замужем я была за совсем другим человеком, по фамилии Карасев. Карасев работал в КБ, одевался в костюмы-тройки на работе и в синие хлопчатобумажные тренировочные костюмы дома. От пузырей на коленях его синих штанов я сатанела. «Давай купим тебе домашние трикотажные брюки, – предлагала я. – Они не мнутся и хорошо выглядят.» – «Не стоит, потому что в них лавсан или другие синтетические добавки, – спокойно возражал Карасев. – А здесь – чистый хлопок. Дома тело должно дышать.» От тела Карасева всегда пахло, как от ящика с зимними овощами. Когда он жевал, то как-то странно щелкал челюстью. При этом имел весьма высокую самооценку и был скучен, как передовицы советских газет эпохи застоя. Зачем я вышла за Карасева замуж, никто (в том числе и я сама) так и не понял. Прожила с ним четыре года и развелась, испытав от развода единственное и тоже советское чувство – чувство глубокого удовлетворения.

Олег, познакомившись с уже готовой четырнадцатилетней дочерью, немедленно преисполнился воодушевления и всяких планов относительно ее образования и дальнейшей жизни. По каким-то неизвестным мне причинам в Мексике Олег, который, разумеется, не жил все это время монахом, так и не обзавелся нормальной семьей и детьми. Я, конечно, не возражала против того, чтобы он принял участие в судьбе своей единственной дочери. Тем более, что его материальные возможности на пару порядков превосходили мои. Но через некоторое время выяснилось, что Антонина планов новоявленного отца совершенно не разделяет. Она вовсе не собиралась ехать учиться в Англию или Бразилию, немедленно и углубленно учить испанский и английский языки, смотреть под руководством Олега архитектурные достопримечательности старой Европы, читать отобранные им книги, становиться историком или менеджером от науки и т.д. и т.п. Олег обвинил во всем меня. Я, оказывается, не воспитала в дочери тягу к познанию. Я не возражала и этому, так как оправдываться казалось мне бессмысленным и унизительным. Да и вряд ли бы получилось. Олегу, который всю жизнь имел дело с вполне молчаливыми пирамидами, горшками и черепами, довольно трудно было бы понять, что Антонина – это живой подросток, а не кусок пластилина.

В конце концов Олег удовлетворился тем, что увез из России беспризорного подростка со сложной судьбой, ровесника Антонины, которому здесь угрожала нешуточная опасность. Мальчик имел серьезные интеллектуальные и прочие проблемы, но, возможно, со временем Олегу удастся сделать из него археолога и продолжателя своего дела.

Антонина же учиться вообще не собиралась. Закончив среднюю школу с аттестатом, наполовину состоящим из троек, она не стала поступать ни в институт (что, по-видимому,

было бы при ее уровне знаний и невозможно), ни в колледж (на чем я пыталась осторожно настаивать). Вместе с верной подружкой, существом настолько бесцветным, что ее имя я так и не смогла запомнить за много лет их дружбы с моей дочерью, Антонина отправилась на курсы секретарей, успешно закончила их, и вот уже четвертый год работает по специальности, поменяв за это время два места работы (каждый раз с повышением жалования приблизительно на пятьдесят процентов). Думаю, что из нее получился неплохой секретарь. Креативность мышления у нее отсутствует, страстность и поисковость натуры – тоже. При этом она трусовата, исполнительна, довольно флегматична, молчалива, умеет слушать и имеет в активе очень хорошую зрительную и слуховую память.

Красоту отца Антонина, к сожалению, не унаследовала, а от меня в этом плане наследовать было нечего. Но вместе с тем надо признать, что при росте 183 см наша с Олегом дочь весьма эффектна и обращает на себя внимание окружающих. У нее все очень большое – крупный нос, большие глаза, пышные волосы и бюст, крупные, довольно красивой формы кисти рук и сорок первый размер обуви. Два года назад, когда Антонина уже жила отдельно, у нее появился бойфренд, с которым они через некоторое (весьма короткое, по моим представлениям) время стали жить вместе, в ее квартире. Она называет его Виталиком, он ее – Тоником. Виталик ростом с Антонину и ее ровесник. Он работает продавцом в магазине современной радиоэлектроники, всегда улыбается идиотской американской улыбкой и тщательно следит за своими зубами. Иногда мне кажется, что бейджик он не снимает даже в постели, прицепляя его на какое-нибудь неожиданное место. Но, скорее всего, он просто надевает его, когда меня видит. Боится, что я позабуду, как его зовут. Это возможно. Когда в самом начале их знакомства я спросила у Антонины: «Чем увлекается твой друг?» – она ответила: «Любит катать круглые предметы». Позже я поняла, что это было не шуткой, а правдой жизни. Виталик неплохо играет в бильярд, в футбол и баскетбол. Во время матчей «Зенита» он так переживает, что теряет до трех килограммов веса. Это проверено, так как одной из первых покупок, сделанных молодыми людьми в самом начале совместного проживания, были напольные весы – оба любят много и вкусно поесть, склонны к полноте и переживают по этому поводу. Почему Виталик не служил в армии, не знаю – в целом он кажется совершенно здоровым и уравновешенным человеком. Следует признать, что со стороны Тоник с Виталиком смотрятся как вполне гармоничная пара. После работы они вместе ходят играть в бильярд, в кино, в гости или просто сидят рядышком перед телевизором, грызут орешки и едят покорн. Виталик пьет пиво, а Антонина «севенап». И то, и другое Антонина наливает в высокие стаканы, а орешки высыпает на фарфоровую тарелочку с розочками. Когда я изредка прихожу к ним в гости, один из них открывает мне дверь, а другой быстро выкладывает на обеденный стол наугад раскрытую книжку обложкой вверх. Имитируют духовную жизнь, чтобы сделать мне приятно, ведь оба – люди, в сущности, незлые. После проведенного у них вечера мне кажется, что я побывала в гостях у пары хемулей из романов Туве Янссон. Однажды я сказала об этом Антонине. «Ну а кто же из меня еще мог получиться, – пожалала плечами дочь. – Если у меня оба родителя – ярко выраженные Снусмумрики? Согласно законам природы, только хемуль.»

После года совместной жизни молодых людей я спросила у Антонины: «Если вы с Виталием подходите друг другу и вам хорошо вместе, не следует ли вам пожениться?» – «Зачем?» – искренне удивилась Антонина, а я сначала не нашла, что сказать. Потом все-таки сформулировала: «Ты в принципе против брака?» – «Нет, конечно!» – Антонина скорчила такую гримаску, как будто бы я сказала несусветную глупость. – «Скажи, пожалуйста, а как современные молодые люди узнают, что им пора вступать в брак?» – продолжала настаивать я. Тема и вправду нешуточно меня заинтересовала. Действительно, как? Если ни влюбленность, ни поцелуй (по Сухомлинскому), ни интимная близость, ни даже совместное проживание для них не показатель – то что же? И при этом сам институт брака они отнюдь не отрицают...

– Обычно, когда ребенка ждут, – вздохнула Антонина. – Залетели, тогда и в загс.

– А вы...?

– Мы ребенка пока не собираемся. Хотим еще для себя пожить.

– Понятно. Но... – я переварила полученную информацию, и поняла, что мне далеко не все ясно. – Но ведь современная молодежь, в отличие от нас, умеет пользоваться противозачаточными средствами. Откуда же возьмется ребенок, который, в свою очередь, должен привести к браку?

– Ты зануда, – сообщила дочь. – Но ты права. Это проблема. В сущности мы – потерянное поколение. У нас нет ориентиров.

Когда я закончила смеяться, Антонина уже ушла.

* * *

С начала самостоятельной жизни Антонине удалось сильно удивить меня всего один раз. Будучи у нее в гостях, я ожидала неизменного чая с датским шоколадным кексом и лениво пролистывала толстенький кирпичик-альбомчик с однообразными пестрыми фотографиями, в основном изображающими Тоника, Виталика и их друзей в процессе поглощения различного рода пищи и напитков: шашлыков и красного вина на пикнике, каких-то салатов и шампанского на чьем-то дне рождения, мороженого и коктейля в некоем кафе и т.д. Внезапно мне попалась выбивающаяся из ряда, чуть нерезкая фотография, на которой Антонина была сфотографирована со смутно знакомым мне мужчиной средних лет и двумя похожими на этого мужчину девочками лет десяти, по-видимому двойняшками или погодками. Одна из девочек доверчиво прислонилась щекой к плечу Антонины, другая держалась за рукав отца. Все четверо улыбались в объектив застывшими ретро-улыбками.

– Антонина, что это за композиция? – крикнула я в сторону кухни.

– Не узнаешь? – вопросом на вопрос ответила дочь, войдя в комнату, поставив чайник на стол и заглянув мне через плечо.

– Это же... – я уже узнала, но так удивилась, что не сразу смогла выговорить. – Это же Карасев!

– Да, – сказала Антонина. – Это Игорь Анатольевич. Дядя Игорь и две его дочери. Таня и Аня.

– А... – я не сразу нашлась, что спросить дальше. – А где же их мать?

– Марина нас всех фотографировала, – невозмутимо объяснила Антонина. – Поэтому ее здесь нет.

– Так ты что же, общаешься с ним... с ними?

Мне отчего-то стало неловко. Я даже не знала о том, что Карасев снова женился, не знала о рождении у него дочерей... Аня и Таня Карасевы. Тугие косички по бокам чуть сплюснутых головок, похожие на декоративные мышьи хвостики... Да почему я должна была об этом знать?! – одернула я сама себя.

– Да, я с ними общаюсь, – ответила Антонина с явно напускной доброжелательностью. – Таня и Аня всегда приглашают меня на свой день рождения. Дядю Игоря я тоже всегда поздравляю... К нему приходят друзья из проектного института, и он, как выпьет, всегда говорит им, что у него три дочери: две родных и одна приемная. Один раз я болела, так дядя Игорь потом мне передал, что они все спрашивали: «Где же твоя потрясающая дочь-валькирия?» А Таня и Аня говорят, что хотели бы вырасти такими же красивыми, как я...

С ума сойти! Единственный приблизительно мифический персонаж, с которым мне когда-либо хотелось сравнить свою дочь, это, пожалуй, кариатида... Черт побери, когда же день рождения у Карасева? Весной..., осенью? Ведь я должна же была когда-то это знать...

– Это очень странно, – я пожала плечами. – Не понимаю, как такое могло получиться. Учитывая то, что ты фактически отказалась общаться со своим родным отцом, когда он хотел принять участие...

– Я не знаю, чего он хотел, – антонинины широкие плечи отзеркалили мой жест. – Во всяком случае это явно было что-то, придуманное без учета меня. Моя роль была кушать, что дают и говорить «спасибо».

– А что же Карасев? – не удержалась я.

– Когда мой родной отец, – Антонина с едва заметной язвительностью выделила голосом слово «родной». – тебя и меня бросил, и уехал копать землю в Мексику, а ты занималась своей наукой и прочими умными вещами, дядя Игорь качал меня на ноге и играл со мной в шашки... В «Чапаева»... Больше меня никто и никогда на ноге не качал... – с какой-то пронзительной тоской закончила стовосьмидесятисантиметровая Антонина.

– Замечательно... – помолчав, выговорила я. – Кто бы мог подумать. Оказывается, Карасев играл с тобой в шашки...

– Вот именно! – подтвердила Антонина, отобрала у меня альбом, закрыла его и положила на полку.

* * *

– В целом все по-прежнему, – сообщила я Ленке. – Олег потрошит пирамиды, Антонина с Виталиком грызут орешки у телевизора. А у тебя есть какая-нибудь сплетня?

– Твоя Светка собирается разводиться с четвертым мужем, – с удовольствием сообщила Ленка. – Информация от третьего мужа, он с моим как-то по работе встречается. Но, может, конечно, врет, или передергивает в свою пользу, ведь он, по-моему, до сих пор на нее запавши...

– Точно, – согласилась я. – Но Светка мне ничего не говорила. Впрочем, я с ней уже давненько не связывалась...

– Может быть, на седьмое ноября – красный день календаря? – осторожно спросила Ленка. – У меня? Или у Любаши?

При всей своей утонченности Ленка очень любит «простые» посиделки и вечно жалуется, что теперь за столом не поют, как пели ее родители и гости, которые приходили к бабушке. Мы с Ленкой росли в соседних домах на одной улице, и я хорошо помню ленкиного дедушку – инвалида Великой Отечественной войны. Помню, как ловко он со своего места на диване давил костылем клопов, обильно ползающих по выцветшим обоям их комнаты, и как, употребив «мерзавчик», веселым баритоном распевал при этом частушки времен гражданской войны: «Губчека, губчека, раздавило Колчака!» Гости к нему приходили с Металлического завода. По колориту все они напоминали картины передвижников, изображающие «людей труда», вкусно пахли нагретым металлом и совали подвернувшимся детям конфеты «раковая шейка».

Мысль о том, чтобы теперь нам с Ленкой, Светкой, Ирккой и Любашей посидеть рядком на диване и во весь голос поорать «Вечерний звон», кажется мне какой-то сомнительной. Но Ленкиной ностальгии я никогда не возражаю – любой человек многогранен, как стакан, а Ленка – в особенности.

– У Любаши не хотелось бы... – проямлила я.

– Я заметила: у тебя с ней последнее время что-то не ладится... – тут же сказала чуткая Ленка, не задавая при этом вопроса.

– А у тебя? – я воспользовалась случаем.

– Ты же знаешь, я никого не сужу. Моя бывшая работа – на всю жизнь прививка.

– А мне моя отчего-то не помогает.

– Ты всю жизнь жила страстями, а я – по расчету, – заметила Ленка.

– Не наговаривай на себя! – прикрикнула я.

– Не лъсти себе, Анджа! – жестко отбила мяч Ленка. – Я довольна результатом. ... Если не хочешь у Любаши, тогда давай у меня. Муж с коллегами по субботам ходит в баню, возвращается после двенадцати. Леночка сама уйдет к подругам, а Вася не мешает. Но Любашу я все равно позову...

– Ну разумеется! Я и не думала! – воскликнула я с излишней поспешностью.

* * *

Единственный Любашин сын Мишка все время чем-нибудь болел. Практически с самого рождения его постоянно где-нибудь обследовали или лечили каким-нибудь новым, современным методом. Надо признать, что все эти любашины заботы вовсе не были пустыми и надуманными, от нечего делать. У маленького Мишки имелись: тяжелая астма; ужасный, мокнувший по всему телу диатез; какие-то нарушения в работе почек; и это – не считая всяких мелких неприятностей типа плоскостопия, дальновзоркости, шумов в сердце и т.д. За постоянными хлопотами о мишкином здоровье Любаша как-то даже не заметила, куда подевался муж, отец Мишки. Мы, подруги, тоже этого не заметили и до сих пор ничего о его судьбе не знаем. Любаша, надо отдать ей должное, никогда на жизнь не жаловалась и своими проблемами окружающих не грузила. Разве что когда уж очень припрет – Мишка очередной раз попадет в реанимацию, решительно не хватает денег на срочно требуемое лекарство или еще что-нибудь в этом же духе. Работала Любаша после окончания института по специальности, инженером-технологом, и зарплату получала соответствующую. Но как-то всегда сводила концы с концами и опять же никому не жаловалась. Хорошо, Любашина мама помогала, сидела с Мишкой, потому что в ясли и садик он, конечно же, не ходил. В детстве и юности Любаша много лет успешно занималась бальными танцами, имела безупречный вкус к одежде и иному декору, единственная из всей нашей компании была музыкальной, любила красивые наряды, театр, оперу и балет. Всю последующую жизнь ничего из этого ей не доставалось даже в виде крошек. Чтобы кормить и лечить Мишку на зарплату инженера, она отказывала себе не только в развлечениях и нарядах, но даже в самом необходимом. Осиная талия и летящая походка Любаши и сейчас вызывают завистливые вздохи не только раздобревших с годами Светки и Ирки, но и моей дочери Антонины. Мы с Ленкой молчим, как менее грузные по природной конституции, и более осведомленные об истории вопроса (я, Ленка и Любаша учились в одной школе, Ирка жила со мной в одном дворе, а со Светкой я училась в Университете). Между тем рецепт любашинной идеальной фигуры прост – мясо из супа и масло много лет съедал Мишка, а Любаше доставался бульончик с вареной морковкой и луковкой и кусочек черного хлеба без масла. Не забыть и про витаминчики: для Мишки яблоки всегда чистили (так рекомендовал аллерголог), а кожура оставалась законной добычей Любаши.

Когда Мишка пошел в школу, проблемы умножились многократно. Он был неплохим и неглупым мальчишкой, умел читать и писать (Любаша и ее мама много занимались с ним), но слишком слабеньким и ни к чему, кроме непрерывного лечения, не приспособленным. Его постоянно дразнили и обижали, отбирали вещи, били, прятали очки, совали в унитаз новенькие кроссовки, а портфель однажды выбросили с третьего этажа из окна девичьего туалета (как он туда попал – никто так и не понял). Мишка тоже ни на что не жаловался, не называл обидчиков и как-то в ноябре пришел из школы домой в носках (и тапки и ботинки куда-то таинственно исчезли). Разумеется, сразу после этого эпизода он на два месяца слег с тяжелым воспалением легких. Любаша просила, жаловалась и ругалась. Беседовала с учителями, директором, родителями и самими мишкиными одноклассниками и одношкольниками. За своего детеныша она готова была перегрызть глотку кому угодно. Дошла до ГорОНО. Все и везде в общем-то сочувствовали ей, но как-то вяло. Когда доходило до конкретики, пожимали пле-

чами: «Ну что вы хотите? Это же обычная районная школа. Обычные дети, в том числе и из социально неблагополучных семей. Да, они тупы и жестоки, но таков и мир вокруг них. Милосердие – абсолютно неведомое для них понятие. Мы не можем посадить вашего Мишу под колпак. Ищите частное образовательное учреждение, идите на домашнее обучение, или во вспомогательную школу. Там маленькие классы, больше педагогического персонала...»

О вспомогательной школе в Любашиных представлениях о мишкиной судьбе не могло быть и речи. Да это и действительно было не рационально – по развитию общего интеллекта Мишка вполне соответствовал своему возрасту. Обучение в только что появившихся частных школах стоило немислимым, запредельных в нашем понимании денег. Домашнему обучению неожиданно воспротивился сам Мишка: «Я не хочу больше дома сидеть. Мне здесь душно. Я с ребятами хочу.»

Впервые за все годы Любаша заметалась в отчаянии.

У Мишки обострились астма и нейродермит. Пятый класс он закончил с тремя неаттестациями и двойкой по физкультуре.

Все подруги Любаши тоже суматошно искали выход из создавшегося положения и регулярно предлагали варианты, один кретиничнее другого. Так, например, однажды мы целых два вечера подряд на полном серьезе обсуждали идею о том, чтобы нам всем объединиться, самим организовать частную школу, набрать платных учеников и заодно бесплатно учить в ней Мишку. Любаша будет преподавать точные науки, Светка – предметы естественного цикла, Ирка – домоводство, а ее второй муж, тихий алкаш Володя – столярное дело или что там полагается в качестве труда для мальчиков. Мне в этом раскладе доставались история и литература, и я несколько часов серьезно думала о деталях и авторской программе по указанным предметам. Потом Светка посоветовалась по этому поводу со своим третьим мужем-бизнесменом, он нелюбезно высказался о наших умственных способностях и спросил, что мы знаем о бухгалтерском учете, аренде помещений, лицензировании и санитарной и пожарной инспекциях. Идея частной школы тут же увяла прямо у нас на глазах. Однако, проникнувшись нашими метаниями, третий светкин муж великодушно предложил спонсировать мишкино обучение в частной школе, что было бы, наверное, самым разумным выходом из положения. Любашина гордыня была на этом пути единственным, но непреодолимым препятствием. Со светкиной подачи я попыталась заикнуться об этом варианте, но тут же была обсыпана ледяной крошкой Любашиного ответа: «Я не имею чести близко знать мужа твоей подружки Светы, но прошу тебя передать ему мою искреннюю благодарность. Ты знаешь, что это невозможно, так как я никаким образом не сумею вернуть ему эти деньги».

И все-таки выход из положения нашла именно Светка, с помощью своего второго мужа, с которым она сохранила прекрасные отношения. Светкин второй муж ювелир, и носит крайне звучное на мой вкус имя: Израэль Наумович Зоннершайн. Израэль Наумович старше моей подружки почти на двадцать лет. «За ним мудрость тысячелетий», – признавала Светка и когда выходила замуж, и после развода. Посоветовавшись с Израэлем Наумовичем о проблемах подружки, Светка позвонила Любаше в половине двенадцатого вечера, и с отчетливым местечковым акцентом объявила, что нашла, наконец, для Мишки тихую и совершенно бесплатную гавань. К этому времени Любаша готова была хвататься за любую соломинку.

Так абсолютно, стопроцентно русский Мишка оказался в недавно организованной на средства международной диаспоры еврейской школе. Классы в этой школе, как и обещал Израэль Наумович, были маленькими, подход к каждому ребенку – индивидуальный, никакого особенного кровного еврейства от детей и родителей не требовалось. Среди учеников было довольно много ребят, которые, подобно любашиному сыну, не вписались в обычные школы. Впервые у Мишки появились друзья. Обучение ивриту, истории еврейского народа и еврейским обычаям не вызывало у любознательного мальчика никакого протеста и никаких затруд-

нений. К концу седьмого класса он отмечал все еврейские праздники и потребовал от Любаши соблюдения законов кашрута хотя бы в плане приготовления пищи.

Меня все это крайне забавляло и, пожалуй, радовало, потому что выглядел Мишка хорошо, быстро рос, и болеть стал гораздо меньше. Когда мы встречались, мальчик охотно объяснял мне, какая еда может считаться кошерной и как-то угостил им самим изготовленным, не слишком вкусным треугольным печеньем под смешным названием «уши Амана». Я не запомнила конкретный эпизод из истории евреев, который отмечался выпеканием и поеданием этих «ушей», но в шутку заметила что-то про кровожадность и ритуальный каннибализм, которые, по-видимому, были присущи всем древним народам без исключения. Мишка начал горячо возражать, логически опираясь на полученные в еврейской школе знания, а я весело смеялась до того мгновения, пока мой взгляд не упал на лицо наблюдающей за нашей перепалкой Любаши...

– Любаша, в чем дело? – напрямик спросила я немедленно после того, как Мишка ушел в какой-то кружок, который он посещал все при той же школе. – Чем тебе не нравится еврейская история?

– Мне *все* это не нравится, – медленно, не глядя на меня, произнесла Любаша. – Уже давно. Было бы куда, завтра забрала бы его оттуда...

– Но мне казалось, Мишке в этой школе нравится, – обескуражено заметила я. – И здоровье лучше стало... Но что конкретно случилось-то?

– Ты же психолог! Ты что, не видишь, что они их зомбируют?! – внезапно зашипела Любаша. Я вздрогнула от неожиданности.

– Кто? Кого? – туповато поинтересовалась я, пытаюсь отвернуться от очевидного и надеюсь на какую-то ошибку восприятия.

– Эти... детей. Своих... и наших тоже. Как будто бы ты не знала! Вот только не делай вид...

Само собой. Все знают. Уже давно. Тысячу лет. Да какая там тысяча! Ксенофобии столько же лет, сколько человечеству. Я тоже должна была знать. Или, по крайней мере, догадаться. Эмоциональный Мишка увлекся еврейской культурой и религией. Любаша, в противовес этому, сделалась антисемиткой.

– Какая глупость! – я не сумела сдержать досады и ударила кулаком по ладони. – Но послушай, Любаша. Он учится в этой школе, это же логично, что он... ну, проникся... И что в этом страшного? Это же не секта какая-нибудь. Белые братья или еще там что-нибудь подобное. Иудаизм – это же одна из древнейших систем знания, этики, морали... Ну, вот наша Ирка в последнее время обратилась к христианству, причащается, исповедуется, постится... Тебя же это не пугает и не возмущает, наоборот, ты сама говорила: если ей это помогает, пускай...

– Причем тут Ирка?! – взвилась Любаша. – Христианство – это наша исконная религия!... А они...

Потом она говорила что-то еще, но я уже фактически ее не слушала. Ничего нового. Все это я слыхала и читала раньше. Но, черт побери все на свете, я и помыслить не могла, что когда-нибудь услышу такое от Любаши!...

– Слушай, но это же ерунда какая-то! – заметила Светка, с которой я решила поделиться своими переживаниями. Любашу она знала давно, но не близко. – По логике вещей она наоборот, должна быть им благодарна. За Мишку и за все...

– По логике устроены компьютеры, а не живые люди, – напомнила я. – Живая жизнь асимметрична и алогична, и находится в состоянии устойчивого неравновесия – помнишь, нас в Университете учили?

– Помню... – вздохнула Светка. – Только что же проку? Что с Любашей-то?

– Увы! – я тоже вздохнула. – Наверное, Любаша просто обречена была стать фанатиком. Слишком аскетическую жизнь она прожила. Пусть это был ее собственный выбор, но все же, все же... Рано или поздно это должно было как-то аукнуться. Где-то должен был отыскаться тот, кто виноват...

– Ужасно!... И что же, теперь уже ничего сделать нельзя?
Я пожала плечами. Откуда мне было знать?

Любаша позвонила на второй день к вечеру, и совершенно обычным, знакомым много лет тоном сказала, что чувствует себя очень виноватой за то, что не сдержала своих чувств и тем выказала неуважение к моим принципам, которые, как она знает, мне очень дороги, на что она, разумеется, не имела никакого права... и т.д. и т.п. в том же духе еще минут на десять. Я не прерывала ее только потому, что не знала, что говорить самой. В конце концов Любаша, которая явно все продумала еще до того, как подошла к телефону, предложила вполне разумный компромисс. Наша многолетняя дружба ценна для обеих, рвать отношения по идеологическим мотивам в нашем возрасте – абсурд. Поэтому мы продолжаем дружить и общаться, как прежде, но не затрагиваем известную нам обеим тему. Я немедленно согласилась. «Спасибо тебе,» – тихо сказала Любаша и положила трубку.

После девятого класса Мишка съездил на каникулы в Израиль. Священная земля чужих предков произвела на мальчишку колоссальное впечатление. Когда он показывал мне фотографии Масличной горы, Мертвого моря и пустыни Негев, глаза его сияли восторгом. Весь десятый класс он из кожи вон лез, чтобы завоевать право на повторение поездки. Здесь намечались некоторые сложности, так как в последнее школьное лето администрация школы старалась все же вывезти в Израиль настоящих евреев, с прицелом, естественно, на их последующую эмиграцию (те, кто давал деньги, имели в виду именно это, и ни от кого этого не скрывали).

Мишкина успеваемость за десятый класс улучшилась едва ли не в два раза. Свою роль в этом сыграло и окрепшее здоровье, но главное было в другом. Мишка рос парнем неглупым, но абсолютно не честолюбивым, довольно вялым и в меру ленивым. Когда появился конкретный стимул, все изменилось в одночасье. Администрация не могла не оценить внезапно проснувшегося мишкиного рвения, и ему, единственному нееврею, удалось-таки оказаться в едущей в Израиль группе.

Два месяца россияне жили в кибуце при заповеднике, где-то там даже работали и одновременно знакомились с обычаями страны. В так называемой Школе Природы, которая тоже имела при заповеднике, Мишка познакомился с девушкой по имени Рахиль. Очаровательная Рахиль была старше Мишки на год и называлась сабром (родилась в Израиле), а ее родители приехали в Израиль из Франции. После окончания школы и службы в армии она собиралась посвятить свою жизнь охране животных пустыни. Девушка хорошо говорила на четырех языках, а после знакомства с Мишкой сразу же начала учить русский. Молодые люди полюбили друг друга. Для обоих это было первое серьезное чувство и первая душевная и физическая близость. В минуты нежности Мишка сравнивал Рахиль с изящной ящеркой, согревшейся на солнце. Рахиль же, лаская и целуя льняные мишкины волосы, говорила, что от Мишки веет прохладой и просторами его родной страны. В пределах разницы полученных образований им нравились одни и те же книги и фильмы. Во всех остальных областях они хорошо дополняли друг друга. В ночь перед неизбежным расставанием молодые люди решили, что они должны быть вместе всегда. Мишка готов был после окончания школы эмигрировать в Израиль. Рахиль сказала, что до этого приедет сама, и они все решат. Оба плакали.

Сразу после приезда Мишка, захлебываясь от волнения словами, рассказал обо всем Любаше. Каждый день добавлял подробностей. Жаркий образ ящерицы Рахили царил в бедной и вымороженной декабрьскими морозами любашинной квартире. Мишка был ослепительно

счастлив, избавился от юношеских прыщей и жил будущим. Довольно часто через каких-то еврейских знакомых передавали письма. Мишка бездумно сидел над ними ночами и целовал до тех пор, пока не расплывались чернила. Ответы писал высунув язык, с прилежностью второклассника, с черновиками и цитатами из русской и мировой классики. Любаша стала цвета земли и похудела на восемь килограммов. Даже малознакомые люди советовали ей проверить щитовидку. Мы с Ленкой все видели, все понимали, но молчали, не зная, что говорить. Сама Любаша, как всегда, ни на что не жаловалась.

Рахиль приехала на еврейскую Пасху. С естественностью пустынной ящерицы, как в норке, поселилась у Мишки в комнате. Расставила какие-то пузырьки на подоконнике, вокруг любашиных фиалок. Убегая на очередную экскурсию, забывала на стуле маленькие яркие тряпочки-наряды. По вечерам Мишка целомудренно раскладывал свою постель на раздвижном кресле, но очень быстро оказывался в кровати с Рахилью. «Зачем ты стелишь на кресле? – искренне удивлялась практичная Рахиль. – Только белье зря пачкается...». Когда Любаша готовила, Мишка крутился рядом и тщательно следил за тем, чтобы пища, подаваемая госте, была кошерной. Смысла это не имело никакого. Французские родители Рахили были людьми весьма светскими и дочь воспитывали достаточно свободно. Какую еду она ест в удивительной России, девушке было все равно – лишь бы вкусно.

Рахиль привезла Любаше подарки – кофеварку и красивое ожерелье из каких-то полудрагоценных камней. Старалась понравиться – помогала накрывать на стол, хвалила русскую литературу и архитектуру Петербурга, на ломаном русском языке с французской непосредственностью и еврейской обстоятельностью беседовала о будущем:

– Мы только не волновать вас, Любашья. Я слышала, вас так называют друзья. Я тоже буду – это ничего? Ведь я же люблю ваша Миша, значит, мы тоже друзья. Любашья – так красиво звучит, мягко, почти по-еврейски. Миша зовет меня – Рахилька. Это смешно. Вы тоже зовет меня так, если захотеть. Миша и я все будет хорошо. То, что Миша не еврей, – ничего не страшно. Есть родители – очень плохо, против, замуж только еврей. Мои родители все равно, ничего, лишь бы мне хорошо. Религия важно не очень, уважать закон – и все. А дети нас все равно будут евреи. Такой закон. В Израиль много разных людей живут – ничего. Даже арабы живут, вы знаете, наверное. Арабы – это хуже, чем русский, хуже, чем всё. Они стреляют, делают терракты, но если знать, как, то не очень опасно, можно жить. Израиль красивый. Как Петербург, как Париж, но по-другому. Вы бывала в Париже, Любашья? Нет? Жаль. Да, я помню, Миша говорил, ваша государства не заботится, чтобы его молодой граждан видел мир. В Израиль не так. Мы путешествуем, потом служим в армии. Нас в армии учат – как не опасно. Меня скоро научат. Вы, главное, не надо волновать...

Перед отъездом гости состоялся прощальный, семейный, неисправимо кошерный ужин. Мишка, сверяясь с какой-то бумажкой, делал фаршированную рыбу. Всегда веселая Рахиль казалась маленькой и печальной. За столом серьезный, как-то разом повзрослевший Мишка сообщил матери, что они с Рахилью уже все решили касательно будущего. После окончания школы он уезжает в Израиль, где сразу же пойдет служить в армию вместе с любимой. Администрация школы и кто-то из родственников Рахили поможет ему с документами. Если это окажется необходимым, еще до того молодые люди зарегистрируют свой брак.

Любаша подавилась рыбной костью и начала задыхаться. Пока Мишка бессмысленно тарасил глаза, Рахиль вскочила, подбежала к Любаше и быстро и профессионально оказала первую помощь. Потом принесла из своей сумки красно-синий ингалятор и прыснула из него Любаше в рот. Когда дыхание у пострадавшей восстановилось, девушка велела Мишке принести самую яркую лампу, ложку с длинной ручкой и что-нибудь, похожее на пинцет. Обалдевший Мишка принес лампу-гуся со своего стола и пинцет из набора фотолюбителя, которым пятнадцать лет назад мы с Ленкой и Любашей перекладывали фотографии из ванночки с проявителем в закрепитель. Рахиль пожала плечами и велела Любаше открыть рот, а Мишке –

держат свет. «Нас в школе учили, – объяснила она спустя пару минут, демонстрируя матери и сыну изогнутую в виде крючка, прозрачную косточку. – Я и от пули раны знаю, как делать, и если просто осколки, когда бомба или еще как. Ничего...»

Потом Мишка уехал провожать Рахиль в аэропорт и не вернулся домой ночевать. Забыв позвонить матери, он, словно в забытьи, бесцельно бродил по улицам навеки заколдованного города, вспоминал цвета, звуки, движения, слова, вкус и запах своей уехавшей возлюбленной. Несмотря на временную разлуку, он, безусловно, был счастлив.

В два часа ночи Любаша позвонила Ленке. Ленка позвонила мне. Через полчаса Светка, которая была в курсе всего, заехала за мной на своей машине. Ленке мы велели сидеть дома и пробить по своим милицейским каналам несчастные случаи, уличные правонарушения и прочее. Когда мы приехали, Любаша была уже почти невменяемой. Она кидалась на стены, разбила практически всю имеющуюся в доме посуду, остатки фаршированной рыбы висели на недавно поклеенных обоях. «Не варите ягненка в молоке матери его! – выла Любаша. – А сами-то! Сами!!!»

Отчаявшись ее унять, мы вызвали «скорую помощь». Приехавшие врачи настаивали на психиатрической больнице. Мы стояли насмерть, так как я, как специалист, знала доподлинно, что психушка Любашу добьет. Светка вывернула кошелек и позвонила четвертому мужу. В конце концов, после трех уколов Любаша успокоилась, и ее по договоренности госпитализировали в неврологическое отделение. До утра Светка курила на лестнице и каждые пятнадцать минут звонила к Любаше или к Ленке домой по мобильному телефону. Я молча сидела на стуле рядом с Любашиной кроватью.

Мишка вернулся в квартиру двадцать минут седьмого. Увидел рыбу на обоях и нашу записку. К семи он был уже в больнице.

«С лечащим врачом будешь беседовать сам,» – сказали мы. На педагогическом воздействии настаивала практичная Ленка. Светка и я пребывали в растерянности.

– Я не знаю, что там у вас происходит, – сказал Мишке пожилой невропатолог с тиком на левой щеке и белыми пальцами, странно змеящимися по пластиковой поверхности стола. – Да и не мое это дело. Я Фрейда в институте не изучал, а теперь уж мой поезд в депо ушел. Но, если я правильно понял, кроме тебя, да тех подружек, что мать привезли, больше вокруг никого нету. Так?

– Так, – кивнул Мишка.

– Тогда вот что я тебе скажу, парень. Так скажу, чтоб ты понял. У матери твоей нервов, считай, вообще не осталось. И дефицит веса по возрасту килограммов пятнадцать. Любой ветерок, инфекция, стресс ее напрочь снести может. Умрет, заболеет чем-нибудь кромешным или с ума сойдет – тут уж неизвестно, что хуже, выбирать не из чего. Она дома вообще-то ест? Белки, жиры, углеводы... Питание сбалансированное?

– Ест... Н-не знаю... – проблеял Мишка.

– Вот то-то! – длинный палец невропатолога белым червем качнулся перед мишкиным носом. – А должен бы и знать. Она тебя, орясину, вырастила, теперь твой черед об ней позаботиться. Уяснил?

Мишка молча кивнул еще раз. Невропатолог удовлетворенно хмыкнул и счел беседу с единственным родственником пациентки законченной.

– Мама, что я должен сделать? Скажи, – Мишка стоял у кровати Любаши. Со стороны они смотрелись чужими людьми. Даже всегда и всем заметное внешнее сходство черт лица куда-то подевалось.

– Я тебя никогда ни о чем не просила, – сказала Любаша и ее голос ядовито шелестел, как будто бы кто-то ногтем отковыривал серые чешуйки осинового гнезда. – Делала для тебя все и всегда. Ты сам знаешь, а чего не помнишь, спроси у моих подруг, они тебе расскажут, не

соврут. Теперь прошу, первый и единственный раз: забудь эту Рахиль и всех остальных евреев тоже. Живи здесь, со мной, в своей стране, как все люди живут. Учись после школы на кого хочешь. Когда встретишь хорошую девушку, я тебе препятствовать не стану.

– Я уже встретил, – прошептал Мишка.

– Я сказала, – прошептала в ответ Любаша. – Заставить не могу. Решать тебе.

Этой же ночью Мишка, словно боясь передумать, написал Рахили письмо, в котором он разрывал их помолвку. Я не знаю, имеется ли в еврейских брачных традициях помолвка, но, если ее и нету, то все равно по сути Мишка сделал именно это. И я не знаю, как назвать это по-другому. А главное, я не знаю, как все это оценить.

Ящерка Рахиль написала еще пять писем. Мишка ни на одно из них не ответил. Тогда девушка тоже прекратила писать.

После школы Мишка демонстративно не стал никуда поступать, работал грузчиком на вещевом рынке и ждал призыва. Любаша подняла все медицинские документы с рождения Мишки до его совершеннолетия, отсортировала их в четыре огромные, аккуратно подписанные папки, проконсультировалась с юристом, установила связи с организацией «Солдатские матери России» и, как я понимаю, вполне официально и законно, по медицинским показаниям оформила Мишке белый билет.

На следующий год Мишка поступил в недавно организованное училище МЧС России. Медицинскую комиссию абитуриенты проходили в Железнодорожной поликлинике. Большинство специалистов выправившийся, да еще и поднакачавшийся от грузщицкой работы Мишка проходил сам. Только к окулисту с мишкиной карточкой ходил одноклассник Фима Герцман, и он же спустя пару дней пописал в баночку, в которой надо было сдать анализ мочи. С глазами и почками у Мишки по-прежнему были проблемы.

– Хотел бы я тоже, как ты, – сказал Фима – рыжий subtilный студент второго курса Математического факультета университета. – Окончить училище и спасти людей. И никакой тебе высшей математики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.